

Сагдулла Караматов

КАПЛЯ
КРОВИ

Повесть

*Перевод
с узбекского
Б. Пармузина*

Солнце то сверкнет, бросив сноп лучей на стены мрачной цитадели — бухарского Арка, то снова спрячется за тучу. Арк в эти минуты будто появляется из грозной ночи. Невольно мурашки бегут по спине — так и кажется, что вот-вот выйдет из ворот глашатай и объявит высочайший указ о чьей-то казни.

Я смотрю не отрывая глаз на темно-серые ворота Арка. Именно через эти ворота, подстегиваемый громом залпов революции, бежал последний из правителей Бухары — Саид Алимхан.

Сейчас ветер без усталости несет струи пыли, словно выметая из крепости остатки далекого прошлого.

У ворот с двенадцатиглавым драконом давно уже не стоят мрачные воины-сарбазы с мечами. Из темниц, притаившихся в стенах Арка, не доносятся стоны.

Арк! Молча хранит он горькие судьбы сотен и сотен людей, обезглавленных палачами, иссеченных плетями, замученных в страшной каменной темнице — зиндане.

А сколько ран осталось в сердцах! Может ли наше поколение спокойно слушать рассказы об этих ранах?

Один из таких рассказов, услышанных еще в детстве, запомнился мне на всю жизнь.

...На улице метался жгучий морозный ветер. А в доме было тепло. Тепло и тихо. Мы, ребягишки, прижавшись друг к другу, сгрудились возле бабушки.

Бабушка была мастерица рассказывать сказки. И мы жаждали их. Но в тот раз бабушка поведала нам не сказку, а быль о минувшей жизни. Правду о прошлом.

Вскинув сухонький палец, произнесла:

— Смотрите!

Мы уставились на стену. Тонкие резные орнаменты, ганчевая штукатурка сверкают как зеркало. Только вот все портит темное пятно. Должно быть, в стене была большая дыра и ее наспех замазали глиной. Как заплатка на новом халате.

— Из эмирской пушки угодило сюда, — сказала бабушка. — Стену и пробило. Видите?

Мы замерли. Кое-кто даже рот открыл от удивления.

— Пушка находилась в Арке. Когда войско революции осадило Бухару, сарбазы эмира вышли на Регистан и установили пушку. Люди видели, как пушка выстрелила. Но попала не в красное войско, а в наш дом.

Большой кусок железа, целый железный мячик, с грохотом пробил стену.

Вскоре прибежал ваш дедушка.

— Эмира свергли! Свобода! — сообщил он, едва отдышавшись.

«Значит, это та самая свобода наступила, о которой так много говорили...» — подумала я и стала просить:

— Отец, а отец, пошлите кого-нибудь за Гульбадам. В Чор-Бакре¹ она сейчас. Раз уж свобода, пусть вернется бедняжка домой.

Дедушка ваш опустил голову и замолчал...

Позже я узнал от бабушки о судьбе этой девушки, совсем молодой, цветущей... Узнал и о любви к ней юноши Равшана.

Нынче Равшан стар. Зовут его теперь Равшан-бобо — дед Равшан. Но свято хранит в своем сердце Равшан-бобо светлую память о Гульбадам.

Когда случается бывать в Бухаре, я всегда вспоминаю об этом человеке. А недавно взял и отправился в Чор-Бакр, чтобы повидаться со стариком.

Сгущались сумерки. Четыре минарета, стоящие, как стражи, по углам Чор-Бакра, застыли, уперев свои вершины в темное небо. Равшан-бобо встретил меня неподалеку от своего дома, возле ворот кладбища, поздоровался.

— Не стоит бродить впотьмах, сынок. Пойдемте ко мне. Наверное, шурпа уже готова...

Мы вошли в низенькую калитку, и я невольно замер, не веря своим глазам: тут же, рядом с кладбищем, благоухали сотни роз. Маленький дворик, весь в белых, желтых, красных, светло-бежевых розах, сверкал при свете фонаря, покачивающегося над супой. Среди всего этого великолепия особенно выделялся один — удивительный куст: на нем розы шести разных цветов!

Я осторожно опустился на курпачу.

— Пейте чай, сынок!

Равшан-бобо вновь умолк. Старик сидел, изредка поглаживая бороду. Он догадывался, зачем я приехал. И вспоминал, вспоминал...

Затем заговорил.

¹ Чор-Бакр — архитектурный памятник недалеко от Бухары.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дом, в котором жила Гульбадам, стоял на самом многолюдном, видном месте кишлака Халач. И славился на всю округу этот дом: каких только роз не было в его дворе, утопающем в цветах!

А сам дом — обычное жилище бедняка. В одной постройке ютилась тощая корова, в другой, с потолочными балками на подпорках, обитали хозяева. Почерневший от времени деревянный сундук — единственное убранство комнаты — стоял в нише. На нем стопкой — несколько стареньких одеял-курпачи. Пол застлан кошмой, изпод краев которой выглядывали почерневшие камышины старой циновки. Пол земляной, сырой, и отсюда сырость расплзлась повсюду, даже до красных балок.

У двери глиняная обдаста¹. На полке четыре касы, тоже глиняных, и одно блюдо. Помещение без окон. А над дверью пробито отверстие величиной с кулак. Когда дверь закрывалась, скудный свет в комнату проникал через это отверстие.

Отец Гульбадам — Хадикул-ака — немногословный, угрюмый человек. Гульбадам ни разу не видела улыбки на его лице.

— Не потакай дочери. Лучше научи ее ткать буз². Пригодится в жизни. — Эти слова он произносил всякий раз, когда замечал, что жена балует Гульбадам.

Иногда Хадикул-ака вздыхал:

— Разве до веселья в наши времена? Хлеба досыта не поесть.

Или приказывал дочери:

— Иди нарви траву, корову вечером нечем кормить. Да недолго... Ну, иди, иди.

Вот и сегодня отправил он дочь за травой, а сам затягивает подпругу на черном осле. Затем сказал жене, перекидывая через спину осла хурджуи:

— Вынеси-ка, Гульсанам, если есть, пару лепешек, хоть черствых.

— Куда же вы собираетесь так поздно? — удивилась Гульсанам.

¹ Обдаста — кувшин.

² Буз — ткань кустарного производства.

— Нужно. Что поделаешь? У Сафарбая пиршество нынче. Вернулся сын из своего первого путешествия. «Чтобы бараны в моей отаре не были забыты в этот благословенный день, — приказал мне бай и заставил ехать в степь. — Отправляйся сегодня же, если увижу твою тень в кишлаке, сниму голову!» — так пригрозил он. Что поделаешь! — Хадикул вздохнул. — Теперь я только в полночь доберусь до Урта-Чуля.

Гульсанам вынесла лепешки, завернутые в поясной платок. Не поднимая головы, обратилась к мужу:

— Что ж, поезжайте. Но почему-то на душе у меня сегодня тревожно. Не нахожу себе места. Может, завтра поутру поехали бы, а? — Гульсанам с надеждой взглянула на хмурое лицо мужа.

— Если тесно тебе во дворе и не находишь ты себе места, иди в поле, — оборвал Хадикул. — Не съедят же тебя волки. — И уже мягче добавил: — Что с того, если у таких, как мы с тобой, тревожно на душе?

Он сел на осла, ударил его острой палкой в холку, пятками в бока.

— Поехал я...

Гульсанам тихо закрыла калитку. Тревожное чувство не давало покоя, пустой двор пугал мертвой тишиной.

Она сходила в поле за дочерью. Вернулись домой и долго сидели обнявшись. Забыли даже светильник зажечь.

Наконец Гульсанам заметила, что Гульбадам клонит ко сну. Вышла во двор, проверила запоры на воротах, бросила корове травы. Вернувшись в комнату, увидела, что Гульбадам уже спит, мирно посапывая, прямо на голой кошме.

По-прежнему тревога не покидала Гульсанам. Прочитав молитву, предотвращающую несчастье, постелила себе в углу. Другую курпачу разложила прямо у входа и стала будить дочь:

— Встань, родная. Открой глаза. У матери уже нет сил поднимать тебя. Встань, деточка моя... Вот... молодец. Ложись здесь. Вот... постелила тебе отдельно, чтобы не беспокоить тебя. Ну, родненькая, ложись.

Долго не могла уснуть Гульсанам. О многом думала. Но больше всего о горькой судьбе. Не давали ей покоя слова мужа: «Разве до веселья в наши времена?»

Хлеба не поестъ досыта». Обидно, до слез обидно от такой жизни!

С малых лет рабыня Сафарбая. Все соки выжала проклятая работа. О таких говорят: «Волосы — метелка, а руки — кочерга»... Хозяин за человека не считает.

С юных лет одно только горе. Не дождавшись совершеннолетия Гульсанам, после того горького, позорного случая с байским сыном Саманом, выдали ее замуж за Хадикула — в уплату за его двадцатилетнюю работу у Сафарбая. Схитрил бай... Да еще как! Теперь не только Хадикул и Гульсанам, но и дети их до конца своих дней будут байскими рабами.

А сынка своего благодаря этой хитрой свадьбе Сафарбай спас от пересудов.

Охваченная печальными воспоминаниями, Гульсанам вышла во двор. В темном небе тускло мигали редкие звезды. Почему даже звезды сегодня внушают ей тревогу? Внезапно поднялся ветер, с треском распахнул ветхую дверь, ворвался в комнату. Гульсанам подошла к дочери, укрыла, тихонько погладила по волосам, посидела возле нее.

Вспомнился муж. Каково ему сейчас в безлюдной степи!.. Да хранит его бог!

Сон все не приходил. Тревога, непонятная и пугающая, не давала покоя.

И опять нахлынули горькие воспоминания. Детские годы. Ей было всего шесть лет, когда в последний раз увидела отца.

В те времена людей похищали, как скот, иной раз целые семьи. Что делали с этими несчастными, куда их уводили? Это уже было делом владельца «живого товара». Такое же несчастье обрушилось и на семью Гульсанам. В кишлак Машхад ворвались вооруженные всадники. Вскрикнув от удара плетью, Гульсанам упала. Страшный человек, безобразный, сильный, ловкий, словно клещами, подцепил ее железной рукой, приподнял: «Будешь кричать — убью!»

Солнце было уже в зените, когда Гульсанам пришла в себя. Отец нес ее на руках, тело ее горело огнем. Она не помнит, как подошла ночь. Только как во сне донеслось: «Приехали в священную Бухару!» Это кричал предводитель каравана.

Два дня их держали в караван-сараяе. На третий —

пленников из Машхада повели по четыре-пять человек на тайный базар. В Шафирканском уезде торговля рабами была в самом разгаре. Словно в тумане видит она, как подошел огромный толстяк, поздоровался с человеком, который привел Гульсанам на базар.

— Жаль, опоздал, видно. А получше не осталось?— Он стал рассматривать Гульсанам, грубо приподняв ее голову, держа за подбородок.

— У этой девочки есть и отец, пожалуйста, таксыр. Для такого замечательного покупателя, как вы, уважаемый Сафарбай, ничего не жалко.

— Не надо никакого отца!

— Как вам угодно... хи-хи-хи!

Торг состоялся. Впервые слышала Гульсанам, как закричал отец. Душа могла разорваться. Бросилась было к нему, но не вырваться. Да и отца крепко держали...

— Ну, иди же!— понукал Сафарбай.— Будешь у меня работать. Иди.

Начались годы рабства. Покорно, безропотно выполняла каждое приказание, надрывалась на самой черной работе.

Вот уже ей и тридцать пятый год миновал, а она все рабыня Сафарбая. Незаметно подкралась болезнь. Стало Гульсанам пошатывать, качать от стены к стене. Спасибо, старшая жена бая разрешила ей несколько дней полежать дома. Да и то потому, что в доме Сафарбая затевался пир. Еще попадетя на глаза гостям тощая хворая служанка! Пусть уж лучше отлежится в своей камерке.

И тогда, двадцать лет назад, был пир...

Гульсанам пошел пятнадцатый год. Гуляли гости у Сафарбая. Кувшины с вином подавались один за другим. Гуляли и байские сынки. Бачча¹ в женской одежде танцевал перед гостями, садился к ним на колени, подавал вино. Саман, старший сын бая, поднялся и пошатываясь пошел во двор. Здесь, в маленькой худжре, жили невольницы. Саман пнул изо всех сил ногой в дверцу. Испуганно вскочили две девочки.

— Ишь вы! С этих-то пор улеглись спать. Встать сейчас же! Идите! Беритесь за дело! Ну, быстрее!!!— заорал он, в упор рассматривая девочек.

¹ Б а ч ч а — мальчик - танцор:

Гульсанам хотела было кинуться во двор, но Саман остановил ее.

— Ты-ы-ы не спеши-и! Погоди, дело есть. А ты,— прикрикнул он на вторую девочку,— помоги там... Ну, убирайся!

Девочка в страхе выбежала вон. Саман втолкнул Гульсанам в комнату и накиннул дверную цепочку. Гульсанам бросилась к ногам байваччи:

— Сжальтесь, бай-ака, пожалейте сиротку. Умоляю, бай-ака, не губите меня!

— Ну, ну, встань же, глупая!

Саман толкнул Гульсанам каблуком сапога.

— Сказала бы спасибо, что такой байвачча, как я, обратил на тебя внимание. Эх ты, неблагодарная! Это же твое счастье!

Гульсанам забилась в угол. Совсем растерялась девочка, лишилась голоса. Заметив при тусклом свете копилки, как дрожат ее колени, Саман нагнулся и потянул к себе. Ослабевшее тело дрожало, как в лихорадке. Девочка снова стала лепетать:

— Сжальтесь, бай-ака, пожалейте сиротку, умоляю, бай-ака, отпустите. Это позор...

— Ха-ха-ха!.. Позор для невольницы, а?! Бог создал невольницу для ее хозяина. Ишь ты какая! Ну, иди же, пока я не взял нож в руки.

Саман тяжело дышал. Теперь уже никакие слова не действовали на него. Да и у Гульсанам не было уже сил бороться...

...Детский вопль поднял на ноги гостей. Выбежали несколько друзей Самана. Они увидели его, выходящего из невольничьей худжры.

— Что случилось, Саман?

— А-а!— отмахнулся он.— Эта низкая тварь еще смела кричать.

И, тяжело дыша, прошел мимо.

Все стояли, ничего не понимая, пока во двор с плачем не выбежала Гульсанам.

Сафарбай схватил девочку, втолкнул в худжру.

Спустя неделю бай женил на Гульсанам своего работника Хадикула...

На глазах Гульсанам — слезы. Всю жизнь скрывает она их, не показывает никому. Единственная опора — Хадикул. И от этого становилось легче на душе. Иногда

да она, не глядя в грустные глаза Хадикула, старалась подбадривать его. Он слушал ее, молчал, потом говорил:

— Да... Только диву даешься, Гульсанам. Что же это творится вокруг-то? Глодают слюну голодные люди, лишенные даже помоев, а у богачей пиры до утра, праздная жизнь. Неужели так будет всегда?

И, вздохнув, по привычке махнет рукой.

Снова и снова Гульсанам вспоминает мужа. «Сохрани его бог!» — шепчет она.

Тихо вокруг. Спокойно... Но что это?

Гульсанам вздрогнула и вскочила, услышав тяжелые шаги. Вот под навесом зашуршала гузапая — сухие стебли хлопчатника, собранные для топки.

Гульсанам шагнула во двор, но тут же свалилась от сильного удара. Попыталась встать, но от второго удара у нее потемнело в глазах... Что это?! Ох!..

Верзила с лицом, по самые глаза замотанным поясным платком, крепко схватил ее за плечи, прохрипел:

— Где дочь?

Гульсанам дрожала как в лихорадке.

— Тихо, — угрожающе прошипел незнакомец, — иначе!.. — и выхватил нож.

— Помогите! — крикнула в ужасе Гульсанам.

В этот же миг острый нож вонзился ей в бок...

Разбуженная криком матери Гульбадам хотела было опрометью выбежать во двор, но там уже стояла устрашающая тишина. И тогда девушка, задыхаясь от стука собственного сердца, в кромешной темноте, на ощупь вдоль стены бесшумно выбралась в сад, вскарабкалась на старый тутовник, притаилась.

Неизвестный шагнул в комнату. Никого! Выругался! Пнул ногой калитку и прошел в сад, встал под тутовником. И здесь никого! Шалаш пуст. О шайтан!

Бандит сорвал с лица поясной платок.

— Неужели уехала вместе с отцом? Жаль!

На улице раздались шаги. Незнакомец метнулся через арык, как уж, пополз по тропинке, ведущей в поле, и скрылся в клевере.

Забрезжил рассвет...

— О мамочка моя! Милая мамочка... На кого ты оставила меня, мамочка моя?.. О милая моя мамочка, пусть же отсохнут руки у палача! Мамочка моя...

Эти душераздирающие крики подняли на ноги весь кишлак. Девочку окружила толпа.

— Надо позвать аксакала!

Мертвую Гульсанам перенесли в дом.

Сосед погладил по голове всхлипывающую девочку и повел к себе. Нечего здесь делать ей. Сейчас взрослые будут вести разговор о похоронах, собирать деньги — кто сколько может дать.

Во дворе осталось человек десять. Полили улицу, подровняли дорогу. Затем приготовили у ворот место для стариков.

Едва забрезжило утро, а в Халаче опять беда. Только вчера приезжали люди эмира. Привезли горе и страдания. Двоих жителей схватили и бросили в зиндан. Днем раньше аксакал кишлака Закирбай, собирая деньги за воду, отнял у старика Садыра-ата последние полтанапа земли.

Дехкане привыкли уже к бесконечным бедам. Покорились судьбе. Только вздыхают, покачивают головами, сочувствуют...

Сегодняшнее несчастье ошеломило людей. Кому нужна смерть Гульсанам?

— От судьбы не уйдешь, на все божья воля,— говорили старики.

Дехкане просили милости у аллаха, пять раз в день читали молитвы и били бесчисленные земные поклоны. А что в итоге? Одни невзгоды.

Вот исполненные печали тянутся соседи к дому убитой. Впереди Рахман-тога, распорядитель похорон, а рядом с ним — Равшан, его сын.

Равшан — стройный юноша. Ему шестнадцатый год. Только-только начали пробиваться усы. Смерть соседки поразила его. Равшан во всех похоронных хлопотах помогает отцу, а сейчас идет к выносу праха.

— Бедная Гульбадам,— шепчет он.— Выдержит ли слабенюкая девушка?

Юноше хочется взять Гульбадам за руку, утешить, сказать теплые слова.

И вдруг он видит Хадикула-ака. Тот оставил в конце улицы осла, бежит опрометью.

— Не горит ли мой дом? Сгорел, что ли, дом-то мой, а?

У Равшана гулко забилося сердце. Если бы узнать, кто убийца!

Почему так устроен мир? Отчего бедняка на каждом шагу ожидают несчастья? Запутанный страшный мир.

У этого бедного доброго человека убили жену... Девушку, тихую, безропотную, оставили без матери.

Запутанный, страшный мир.

Равшан вздрогнул: рядом с ним стоял колосс, прозванный Бури-Дивом.

Бури — человек гигантского роста. Лет ему двадцать восемь-тридцать. Тот, кто впервые видит его, невольно вздрагивает от испуга. Правая щека черная, как чугунок. Лицо похоже не сморщившуюся вялую репу. Когда Бури говорит, левый уголок рта кривится и тянется к уху. На толстой шее — шрамы.

Из Халача Бури еще молодым увели эмирские сарбазы в Арк. Многому там учили. А главное — ненавидеть людей, убивать их, военному ремеслу учили. Ходили слухи, будто Бури в одном из боев на берегу Амударьи попал в плен. После жестоких пыток бежал. Но теперь его не пустили в Арк. С полгода Бури слонялся без дела на улицах священной Бухары. Там его случайно встретил односельчанин и привел в Халач. В кишлаке Бури на побегушках — выполняет поручения зажиточных семей. Как вспомнит свои скитания, позорное изгнание из Арка — становится ему не по себе, места не находит. Начал курить анашу. Лучше забиться, опьянеть. Постепенно втянулся. Теперь не может без дурмана. Кто-то из дехкан дал ему это прозвище; мальчишки, едва завидев его, кричат теперь: «Бури-Див! Бури-Див!». И разбегаются врассыпную.

Бури привык. На злые шутки ребят не обижается.

Сегодня он что-то беспокоен. То к одному подойдет, то к другому... А сейчас он стоит с аксакалом Закирбаем и что-то тихо объясняет ему, изредка ударяя себя кулачком в грудь.

Люди потихоньку перешептываются: о чем это они говорят — слон и медвежонок?

Закирбай и в самом деле похож на медвежонок — толстенький, низенький, лет сорока пяти. Короткая шея, казалось, срослась с плечами.

Закирбай вывел Бури-Дива со двора. По дороге продолжал что-то гневно внушать бывшему сарбазу. Рав-

шан незаметно пошел следом, услышал последние слова Закирбая:

— Вон отсюда! Не показывайся мне больше на глаза, размазня!

Вынесли погребальные носилки. Юноша услышал крик Гульбадам. О господи!.. Земля из-под ног уходит. Но держаться нужно...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Равшан не видел Гульбадам уже несколько дней. Что-то с бедняжкой? Не свалит ли ее горе? Нужно сейчас же увидеть ее, утешить. И потом сказать те слова, те самые, которые он приберег только для нее.

Нет, нет, что же это такое? Что творится со мной! А что, если услышит Хадикул-ака? Что скажет сама Гульбадам... В такое горестное время... До меня ли сейчас Гульбадам!

Опомнился он возле соседской калитки. Растерянно топтался, не зная, что делать. Присел возле арыка, опустил голову на ладони, закрыл глаза. Но разве усидишь! Встал. Попробовал походить... Нет, ничего не помогает. Образ Гульбадам стоит перед глазами. Даже слезы подступили к горлу. Нет, не маленький он, чтобы плакать.

Невольно оглянулся по сторонам... Может, узнали его тайну вот эти деревья? Ну и пусть. Он не может жить без Гульбадам. Не может! Разве у другой девушки есть такие глаза, бездонные, как омуты, такие тонкие шелковистые брови?

Равшан посмотрел на сломанную арбу. Давно она стоит возле этой калитки. Вспомнились детские годы. Часто сидели они вместе под этой арбой у арыка. Тогда вызывал он Гульбадам в любое время. Солнце поднималось к зениту, а они, сидя себе под арбой, лепили из глины всякую всячину. Потом сушили игрушки на солнце. Гульбадам было восемь, а Равшану — двенадцать лет.

Бежало время. Годы — увы! — не сближали, а отдаляли их. Когда Гульбадам исполнилось двенадцать, мать стала реже отпускать дочь на улицу. Стоило задержать девочку, Гульсанам выходила, разыскивала ее, отчитывала:

— Разве можно бегать по улице? Ты уже взрослая. Что люди скажут!

Равшан огорчился: как можно ругать такую девочку? Ведь лучше нее нет в целом свете!

...Вновь вспомнилось детство, последняя встреча с Гульбадам.

Праздник Навруз — первый день Нового года, начало весны. Радостный день для всех — от мала до велика. Просыпалась природа. Вспыхивали тюльпаны. Казалось, земля усыпана огромными рубинами. В эту пору влюбленные юноши преподносят девушкам цветы. А для дехкан Навруз — пора сева, пора надежд на новый добрый урожай. Рождалась песня:

Пришел Навруз,
Я рад, свободен я от горя...

И песня звала людей в поле, в степи, усыпанные тюльпанами.

В этот день для детей были открыты все двери. Хозяева, сложив руки на груди, поздравляют прохожих с праздником Навруз, приглашают на пиалу чая...

А молодежь прогуливается по кишлаку, хвастает друг перед другом праздничными нарядами. Затем — игры. В этот единственный день матери не мешают молодым. Пусть веселятся вдоволь.

Тот памятный праздник Навруз!

— Давайте прыгать вон с той арбы,— предложил кто-то из ребят.

Все согласились. Девочки забирались на нижнюю часть арбы, юноши — на верхнюю. Игра понравилась. И вдруг раздался крик Равшана. Превозмогая боль, он пытался встать. Гульбадам подбежала к нему, всхлипывая, стала гладить по голове. В эту минуту Равшан впервые заглянул в ее глаза, и девочка стыдливо потупилась.

— Что с тобой?— спросила Гульбадам.

Лучше бы она не спрашивала!

Потом, поддерживая его, привела домой, всхлипывая, рассказала матери Равшана о случившемся.

— Не плачь, мнленькая, сейчас поведем его к табибу, вправит он руку, и все пройдет...

Гульбадам засыпала вопросами:

— Далеко ли табиб, тетя? Пока доберетесь до табиба, не будет ли хуже больной руке?..

— Ах ты, моя миленькая девочка, как ты крепко любишь своего Равшана!

Гульбадам утвердительно кивнула, но тут же смутилась и убежала.

Равшан, позабыв о боли, смотрел ей вслед, любуясь мелко заплетенными косичками. Да, он тогда уже понял, что не может жить без нее.

...Равшан наконец поднялся. У Гульбадам беда. Он должен быть рядом. Всего два шага он сделал и остановился. В тяжелую минуту человеку хочется побыть одному. Единственный его собеседник — мир воспоминаний.

Сгушались сумерки. В кишлаке уже царствовала тишина. Равшан, перескочив через арык, направился домой. Снова остановился у чьего-то дувала...

Но чей это голос? Прильнув к забору, Равшан узнал Закирбая. Тот говорил своему собеседнику:

— Странный вы человек, имам-ака. Я ведь не совета у вас спрашиваю. Я говорю вам, зайдите к отцу девочек и добейтесь окончательного решения, поняли?

Донесся хриплый голос кишлачного имама:

— Да я не из сочувствия к Хадикулу, мулла Закирбай... По мне, пусть хоть всем потомством погибнут эти люди низкого происхождения! По правде говоря, я побанваюсь, мулла Закирджан, как бы он не сказал мне: «Ирах покойной жены моей не успел остыть, а ты, бесстыдник, посмел прийти ко мне сватать дочь!»

— Что за вздор! Поступайте, как я сказал... Вот что, — Закирбай оглянулся и притянул имама к себе за рукав. — Скажите этому голодранцу, что вчера опять приходили люди эмира, заставляли уплатить недоимки. Но когда речь зашла о вас, Закирбай поступил благородно. Сказал сборщикам налогов: «Оставьте, не трогайте этого несчастного. На днях убили его жену. Пусть придет в себя малость, тогда и поговорим...» Обязательно передайте эти слова.

— Хи-хи-хи, ума-то у вас не отнимешь, Закирбай. Можно подумать, что и в самом деле по Хадикулову душу приходили люди эмира. Хи-хи-хи. Дай бог вам долгих лет жизни, чтобы и нас вы не забывали. Какой же вы мудрец, мулла Закирбай, хи-хи-хи!..

— Хватит вам хихикать!— оборвал Закирбай.— Сам, пока не ухватитесь за деньгу, притворяетесь несмышленьшем. Ладно, будут вам деньги.

Богатей стал шарить в поясном платке.

— Хи-хи-хи, сказал же я, что у вас замечательный ум.— Имам придвинулся ближе к Закирбаю и нагнулся над его кошельком.— Скажу вам прямо, мудрый Закирбай: без этих денег, будь они неладны, человек не сможет и молитву правильно прочитать... О-о! Многие лета вам.

Закирбай, сложив червонцы, сунул их под чалму имама.

— Все будет сделано по-вашему, мулла Закирбай, раз уж я взялся за дело...

Закирбай строго сказал:

— Ну, я пошел, смотрите же не испортите дела, как Бури-Див.— И он удалился, чуть не задев полкой шелкового халата прижавшегося к дувалу Равшана.

Равшан задохнулся от гнева. Он шагнул вперед, чтобы догнать негодяя, но, опомнившись, отступил. Нет, этим ничего не изменишь. Что же тогда делать, что?..

— Хадикул! Эгей...

Из глубины двора послышался голос хозяина:

— Слушаю вас, таксыр, сейчас! Ассалям алейкум... Проходите, проходите. Рады вам.

— Ваалейкум ассалям, Хадикул. Как поживаете, братец? Грешные рабы божьи мы, братец. Приходится мириться с горем, ничего не поделаешь. Да, братец, так и написано в коране. Благодарить бога и не сомневаться в устоях веры — большое счастье, братец. Гм-м, так вот... Сам всевышний предопределяет судьбу человека.

— Тяжело, очень тяжело, таксыр,— произнес сквозь слезы Хадикул.— Я-то уж ладно... Дочка осталась. Так рано лишилась бедняжка матери. Пожалуйста, проходите в дом, таксыр...

Присев на вытертый ветхий палас, имам принялся «утешать» вдовца.

— Э, братец Хадикул, пусть не беспокоит вас забота о дочери, гм-м. Дочь — отрезанный ломоть... хи-хи-хи. Так-то оно. Ваше дело вырастить и отдать — обеими руками отдать мужу. Скажу прямо: чем раньше, тем лучше. Да, много таких было, кто нажил непри-

ятности, коли слишком долго держал дочь дома. Найдите, кому отдать, и скорее избавитесь от беды...

— Нет, нет! Что вы, таксыр, дочь — свет очей моих. Теперь она осталась единственной опорой. Неужели аллах и ее сочтет лишней в моем доме? Что же я стану делать совсем один?— Хадикул говорил так растерянно, словно именно в эту минуту у него отнимали Гульбадам.

— Э-э, братец Хадикул, времена нехорошие наступили. Только вчера приходили люди эмира собирать недоимки. Я сам присутствовал. Один из людей эмира развернул лист бумаги. И надо же случиться такому!.. Первым назвали ваше имя.

— Мое?!— ахнул Хадикул.— Нет, таксыр, я вроде бы ничего не должен.

— Вот вы какой! Не верите? Даже мне, своему имаму, не верите... Братец Хадикул, не стыдно вам? Слушайте, что было дальше. Люди эмира требовали призвать вас к ответу. Но, благодарение аллаху, наш добрый староста Закирбай за вас вступился. Сказал: «У него жена скончалась, погодите, ради аллаха, а до следующего вашего прихода я обязательно взыщу с него...» Так и сказал вот.

Имам выжидающе глянул на Хадикула. А тот и впрямь преисполнился искренней благодарностью.

— Пусть дети ваши доставят вам спокойную отрадную жизнь, я обязан вам...

— Удивительный вы человек,— прервал имам Хадикула.— Будто ребенок. Не меня — Закирбая надо благодарить. Он о вас позаботился, он и заслуживает благодарности и уважения.

Гульбадам расстелила дастархан, принесла чайник, потупившись, встала у двери.

— Иди сюда, доченька,— позвал ее Хадикул,— зачем прятать лицо от имама-паччи! Подойди... Вот так, умница.

Гульбадам, смущаясь, на минуту подошла к отцу. На миг с головы ее сполз платок и имам даже крикнул, увидев черные, как виноград-чарас, глаза.

Но ничего этого не заметил Хадикул.

— Таксыр, прошу, угощайтесь,— предложил он.

Имам не слышал его — он все еще не мог оторвать взгляда от двери, через которую вышла Гульбадам.

— Ну и ну,— наконец выдохнул имам,— братец Ха-

дикул, дочь ваша достойна того, чтобы вы подарили ее повелителю правоверных! Вот и улыбнется вам счастье! Да-а! Ай да Закирбай. Ловок! На три локтя под землей все видит. Знал, куда посылал сватать.

Хадикул вздрогнул.

— Зачем так шутить, имам-пачча?

Имам всплеснул руками, словно ворона крыльями.

— Какие могут быть шутки, братец Хадикул? Истинную правду говорю: Закирбай влюбился в вашу дочь. Благодарите же бога! Богатей, не кто-нибудь, а сам аксакал кишлака! Разве плохо стать его тестем? Не хотите разве прожить остаток своей жизни в довольстве и блаженстве!

— Да ведь у него три жены! И в годах он...

— Ну и что же — три жены? — прервал его имам. — По шарнату дозволено и четыре. Что касается возраста, то скажу честно: юношеский возраст наступает только после сорока, братец. В сорок лет человек достигает расцвета сил... Благословите дочь. Даст бог, все будет хорошо... Ну, что устались на меня? Поднимите для благословения руки.

Хадикул, побледнев, молчал.

— Вам говорю, слышите? Птица счастья села вам на голову, не гоните же ее, не губите дочь.

Хадикул окаменел. Новая беда... Страшная беда... Что же делать?

— Имам-пачча, вы единственный образованный человек, способный учить всех нас, смиренных, уму-разуму. Сжальтесь надо мной. Прошу вас, пойдите извинитесь за меня перед нашим аксакалом, пусть бог поможет вам достичь высокого чина, имам-пачча. Умоляю, не разоряйте мой семейный очаг, ведь еще и двадцати дней не прошло, как погибла моя жена, имам-пачча! Что люди скажут?

— Ну, давно бы так! Конечно, пусть аксакал выждет еще пять-шесть дней.

Хадикул уже позабыл о правилах приличия.

— Нет, имам-пачча! Нет и нет. Не могу я погубить свое юное дитя.

Имам вспылал:

— Аллах, видать, лишил вас разума, братец. Против кого восстаете?! Закирбая не знаете, что ли? Если

он что задумал, непременно добьется. Смотрите, наживете беду.

Хадикул не знал, что и ответить. Имам встал, уходя, гневно сверкнул глазами.

— Вы, оказывается, неблагодарный. Погодите же!..

Оставшись один, Хадикул тяжело задумался. Как быть? Где спасение? В эту минуту он был похож на растерявшегося чабана, который не знает, как спасти отару от стаи волков.

Выглянул во двор.

— Я скоро приду, доченька. Ты пока постели мне. Ладно?

В тесноте и духоте тускло мигает коптилка. На старой курпаче сидит за прялкой худая, с запавшими от бессонницы глазами женщина лет пятидесяти. Даже в полумраке видны набрякшие вены на ее руках. Кончики седых волос заплетены. Женщина время от времени тяжело кашляет. Когда отрывается туго натянутая нить, она, трудно шевеля пальцами, долго связывает ее и снова начинает ткать мату. Все мысли о сыне. Загрустил что-то первенец Равшан.

На айване, облокотившись на подушку, задумался Рахман-тога. Задумчив и Равшан. Из головы не выходит разговор имама с Закирбаем. И еще другой разговор — между Закирбаем и Бури-Дивом в день похорон тетушки Гульсанам.

Юноша вздохнул.

Рахман-тога обратил внимание на подавленный вид сына. Хотел было расспросить его, узнать, в чем дело, как вдруг послышался взволнованный голос Хадикула:

— Рахман-тога! Ой, Рахман-тога!

— Сынок, открой-ка ворота, ведь это сосед наш Хадикул.

— Пожалуйста, дорогой Хадикул, пожалуйста. Заходите!— Рахман-тога указал гостю почетное место на айване. Равшан принес чаю и ушел. Не подобает юнцу слушать беседу старших. А ему так хотелось послушать!

Сперва разговор не клеился. Спрашивать гостя о здоровье, о том, как поживает? В таком-то несчастье!.. Но ведь как-то все же надо начать беседу. Наконец Рахман-тога промолвил:

— Горе-то какое!.. Но что поделаешь? От судьбы никуда не спрячешься.

Хадикул тяжело вздохнул. Сказать ли о новом горе? Ведь затем сюда и пришел. Поведал соседу о тягостном разговоре с имамом, а в заключение сказал, сжав кулаки:

— Что за жизнь, Рахман-тога? Не знаешь, кому и пожаловаться... Ох, так и подстрекает шайтан: иди, мол, растерзай на части и Закирбая, и этого старого сводника имама.

По натуре Хадикул был вспыльчив. Малейшая несправедливость выводила его из себя. Покойная Гульсанам, хорошо зная нрав мужа, в такие минуты как могла старалась успокоить его. И когда гнев малость стихал в груди Хадикула, он обычно направлялся к Рахману-тога отвести душу. Подолгу засиживался у соседа, выслушивал добрые советы.

Рахман-тога — спокойный, сдержанный человек. Вида болезненного. Говорил он тихо, медленно. За рассудительность и предусмотрительность еще смолodu прозвали его «тога». Многие в трудную минуту спешили к нему. Рахман-тога умел как-то ободрить, утешить.

Рахман-тога внимательно выслушал Хадикула, задумался.

— Рахман-тога,— сам нарушил тягостное молчание Хадикул.— А что если выдать Гульбадам за сына такого же простого человека, как и я сам? В этом — единственное спасение.

Рахман-тога, хотя и понял намек, но, опасаясь аксакала, вздохнул:

— Не знаю...

Он думал о судьбе Равшана. Если сын женится на Гульбадам, мстительный Закирбай со свету его сживет, чего доброго, выгонит из кишлака!

Хадикул догадывался, о чем сейчас думал Рахман-тога, и поэтому не торопил его с ответом.

Как спасти Гульбадам? Мысли путались. Одна надежда на Равшана... Только Равшан может защитить девушку!

— Рахман-тога, не подобает нам губить бедную девочку. Пусть молодые испытывают счастье, ведь они любят...

Рахман-тога молчал. «М-да... Вот незадача! Равшану

и впрямь самая пора жениться. И невеста ой как хороша! И с Хадикюлом вот уже тридцать лет дружим...»

— Я-то согласен, Хадикюл... Одного опасаясь: не будут ли подвергать гонениям наших бедных детей?

— Чем всю жизнь мучиться у Закирбая, не лучше ли, чтобы дочь моя, бедняжка, хоть самую малость прожила счастливо на белом свете? Ведь Гульбадам для вас — все равно что дочь!

Рахман-тога еще помедлил с ответом и вдруг ободряюще улыбнулся другу:

— Ваша правда, Хадикюл. Хоп. Договорились, значит. Подождем до осени, снимем урожай, тогда и поженим.

— Да разве до осени Закирбай и его люди будут сидеть сложа руки?— вздохнул Хадикюл.— Бай, чтобы гнить ему в могиле, до осени таких черных дел натворят!..

— Недаром говорят: «У страха глаза велики».— Рахман-тога весело прищурил глаза.— Лето, друг, уже. Осень на носу. Что может натворить бай за такой короткий срок? А нам с вами обязательно урожая надо дожидаться. Ведь никаких запасов нет. Хлеба нет, риса и мяса тоже нет. Чем гостей угощать будем, а?

Хадикюл промолчал. Да и что мог возразить он? Только вздохнул.

Распрощавшись, Хадикюл ушел. Равшан закрыл за ним ворота. Юноше казалось, что сердце его вот-вот разорвется от радости. Ведь он сидел в комнатке матери и слышал почти весь разговор!.. И не верил. Господи! Неужели и впрямь Гульбадам скоро станет его женой!

Счастливо улыбаясь, юноша опустил на бревно, лежащее возле ворот. Мысленный взор его рисовал радостные картины... Свадьба... Гульбадам, прекрасная, как солнце, в свадебном наряде... Весь кишлак поздравляет молодых!..

Опомнился, когда запел петухи. Равшан глянул на свою несмятую постель на супе и рассмеялся. Да разве можно спать в такую ночь!

И, легко касаясь земли, направился навстречу полям.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дни стали удивительно длинными. И как бы жадно ни работал Равшан, осень, казалось, не приближается.

О встрече с любимой приходилось лишь мечтать. Отец предупредил: не следует до свадьбы встречаться с нареченной, обычай не велит. Но в мечтах юноша был всегда с Гульбадам. Равшан слышал голос девушки, любовался ее глазами, мысленно разговаривал с нею, произносил самые ласковые слова.

Осень пришла с внезапными порывами ветра. Старички предсказывали, быть сухим морозам. Иные говорили даже о снеге. Дехкане торопились завершить полевые работы. Хадикул хлопотал у своих цветников. Лучшие розы в округе! Нужно подрезать цветы, закопать кусты, утеплить. Много забот...

Свадьба откладывалась. Все сейчас были заняты уборкой урожая, набивали байские амбары. Даже Сафарбай самолично с утра находился на току.

Однажды Хадикул пригласил Равшана с отцом на хашар вместе поработать в саду. Юноша с нетерпением ждал заветной минуты, когда он явится на хашар в дом будущего своего тестя. Может, удастся все-таки хоть минутку повидаться с Гульбадам! Мысленно перебирал каждое слово, которое скажет Гульбадам при встрече.

Заснул Равшан поздно, а встал на рассвете. Вышел на улицу и опять оказался у арыка. Как тянутся минуты! Калитка Гульбадам закрыта. Юноша подошел ближе, прислушался. Там еще не встали.

Он умылся, вытер лицо поясным платком и вернулся домой. Отец медленно разламывал лепешку, раскладывая кусочки на дастархане.

Равшан молча присел. Он не слышал шагов матери. Только почувствовал, что она стоит за спиной. Обернулся. Мать стояла с чайником в руках, улыбалась...

Вот и заветный двор!.. Поздняя осень, а сколько роз. И все они прекрасны, как Гульбадам... Переливаются в утренних холодных лучах солнца. А этот чудо-куст — на нем одиннадцать сортов роз! Равшан приблизился к удивительному кусту. Каждая роза величиной с пилушку... Глаз невозможно оторвать!..

Послышался голос Хадикула-ака:

— Равшанджан, где ты?

Закипела работа. Рахман-тога окапывал кусты инжира. Возле роз хлопотал Хадикул-ака. Вскоре хозяина позвали к Сафарбаю. Отец с сыном остались вдвоем. Равшан окапывал виноградник, зарывал в длинные канавы лозы. Время от времени он поглядывал в сторону садовой калитки. Гульбадам не появлялась. «Видимо, у Сафарбая сегодня срочные дела, раз он вызвал Хадикула-ата, а без отца она не выйдет...» — вздохнул юноша и... снова и снова поглядывал на заветную калитку.

Вскоре вернулся Хадикул и принес три касы шурпы. Решили, что после обед? Равшан пойдет подрезать розы.

— И Гульбадам тебе поможет... — как бы невзначай сказал Хадикул.

Равшан орудовал садовыми ножницами, стараясь не торопить долгожданную встречу, и вдруг — голос Гульбадам:

— Ассалям алейкум, Равшан-ака, помочь вам?

Не поднимая глаз, кое-как вымолвил в ответ:

— Пожалуйста, Гульбадам, пожалуйста. Дать вам садовые ножницы?

— Не надо, ножницы у меня есть. Я буду подрезать с того конца, хорошо?

— Хорошо.

Проклятый язык! Что с ним случилось? Столько слов было подобрано, а сейчас... Язык, как деревянный.

Вновь — желанный голос:

— Хорманг, Равшан-ака!

— Спасибо, Гульбадам, — еле выдавил из себя юноша. — И вам не уставать.

Но он даже не расслышал своего голоса... Равшан распрямился — и чудо свершилось: он увидел большие черные глаза. Такие знакомые и все же какие-то другие. Что-то в них изменилось... Темно-русые волосы, точеный нос, лебединая шея с нежной родинкой... Все такое знакомое и в то же время...

Что изменилось?.. Да просто повзрослела Гульбадам... Эти дни, полные горя, наложили на нее отпечаток. Но Гульбадам стала еще прекрасней.

Равшан смутился, потупился, а когда вновь поднял глаза, то увидел развевающийся подол платья из буза. Гульбадам исчезла....

Так он ничего ей и не сказал.

Смеркалось. Равшан уже собрался уходить, но Гульбадам появилась опять и стала подрезать самый пышный куст — бережно, веточку за веточкой. Она оглянулась, убедилась, что рядом никого нет, подошла к Равшану и протянула розы.

— Возьмите, сама прививала. Если хотите, я и вас научу делать прививки, хорошо?

Равшан взял цветы. Рука невольно коснулась длинных пальцев Гульбадам. Девушка вздрогнула, взглянула на Равшана.

— Больше никогда я не выйду к вам...— Она стремительно повернулась и ушла в дом.

Равшан долго стоял, не в силах двинуться с места.

В эту ночь он так и не заснул. Ворочался с боку на бок.

Лучше встать!..

Осторожно, чтобы не звякнула цепочка, открыл дверь и вышел во двор.

Звезды в эту ночь были необычайно яркими.

Многолюдно во дворе Закирбая. Пятидесятилинейные керосиновые лампы, чтобы их не погасило ветром, установлены в дверных проемах. Широко раскрыты большие резные ворота. Значит, ждут в этом доме знатных гостей. Всюду принаряженные слуги, готовые оказать гостям почести. Хозяин предупредил еще с утра, как и кого встречать.

Кажется, все предусмотрено. Подмели, полили дорогу, ведущую с главной улицы кишлака к дому. Да, теперь можно встать у ворот в ожидании гостей.

Наконец с криками прибежала целая орава ребятшек.

— Едут! Едут!

Сообщили и снова бросились к дороге.

Закирбай сам вышел навстречу.

Всадник приближался в окружении мальчишек, которые не в силах были оторвать глаз от бархатной попоны коня, от парчового халата важного гостя.

Рядом с буланым конем сенили два осла. На них восседали еще два гостя, в халатах попроще, но тоже, видать, зажиточные люди.

Завидев Закирбая, важный всадник небрежно под-

тянул поводья. Закирбай, сопровождаемый челядью, шел навстречу, сложив ладони на груди. Он кланялся, чуть не падая под ноги лошади, протянул руки, чтобы помочь всаднику сойти с коня.

— Добро пожаловать! Милости просим! Пожалуйста, проходите!..— захлебывался от восторга Закирбай.

Когда именитый гость со своими приближенными уселся на почетном месте, Закирбай торжественно возгласил:

— Сегодняшний день для нашего убогого кишлака стал благословенным. Смиренную нашу обитель удостоил своим посещением один из самых знатных людей его величества, эмира семи частей света Сауда Алимхана, достопочтенный ученый Бузрукходжа. Тысячекратное благодарение вам, светоч знаний и мудрости! Осчастливили вы своих покорных рабов. Добро пожаловать, дорогой гость!

Закончив длинную и витиеватую речь, Закирбай бросил преданный взор на Бузрукходжу, затем скосил глаза на остальных гостей, будто спрашивал: «Ну как, хорошо ли сказал?»

Бузрукходжа еле заметно кивнул.

Облегченно вздохнув, Закирбай принялся угощать гостей. Дастархан ломился от яств. Появилось и вино, и тогда, наконец, завязался оживленный разговор. Бузрукходжу словно прорвало, а Закирбай жадно ловил каждое его слово.

— ...Наш покровитель, великий эмир, питает ко мне, своему слуге, искреннее расположение. Моя обязанность представлять его величеству лиц, сделавших ему подарки, — распространялся гость.— Но и в других делах он не обходится без моих скромных советов...

Бузрукходжа окинул присутствующих чванливым взглядом. Все замерли, не отрывая от гостя глаз. Слушали, затаив дыхание. Приближенный самого эмира продолжал:

— Один аксакал, вроде Закирбая, преподнес недавно в подарок эмиру полный бурдюк драгоценностей, девушку-красавицу и баччу, у которого только-только пробивались усы. Склонился передо мною, умоляет: «Пожалуйста, просите за меня повелителя правоверных принять эти скромные дары». Хм... разумеется, он приготовил и для меня подарки. Сразу видно — учтивый чело-

век! С нашим повелителем я разговариваю свободно, вот и замолвил словечко, дескать, можно назначить наместником. Повелитель наш жестом своей царственной руки дал согласие!.. Хм... Так-то вот, милейший Закирбай. Чего только не случается на нашей службе...

Закирбай вскочил как ужаленный, залепетал:

— Я... Мы... Ваш покорный слуга... Возлагаем на вас надежды, таксыр!..

Бузрукходжа ехидно улыбнулся.

— Искушаете собственную щедрость? Что ж, приятно слышать.

Принесли плов. Вновь наступила тишина. Все наслаждались изумительно приготовленным блюдом. Когда с едой было покончено, в доме остались только гости из города. Закирбай подсел поближе к Бузрукходже, откашлялся и наконец промолвил:

— У вашего покорного слуги есть просьба.

Важный гость снова усмехнулся:

— Я так и предполагал. Излагайте свою просьбу.

— Да позволено будет мне, недостойному, поведать досточтимому таксыру о том, что среди жителей кишлака за последнее время появилась склонность к нарушению порядка. Меня, верного слугу нашего повелителя, сие не может не тревожить. Было бы тяжким грехом, если бы я умолчал об этом.

Обеспокоенный Бузрукходжа подвинулся ближе к Закирбаю.

— Ну, ну!..

— У Сафарбая есть слуга — Хадикул. Оч-чень подозрительный человек. Часто встречается со своим соседом Рахманом-тога, шепчется с ним о чем-то. Ох, не приведет, не приведет это к добру.

— Ну, ну! — нетерпеливо повторил Бузрукходжа. — В чем-же дело? Даст бог, мы сумеем проучить таких. Дальше...

— Дальше? — Закирбай замялся. — Дальше... Короче говоря, таксыр, у этого Хадикула есть дочь Гульбадам... — После короткой паузы Закирбай смущенно хихикнул: — Что скрывать, хи-хи-хи, не дает мне покоя любовь к ней... — И он замер, сложив руки на груди.

Бузрукходжа разочарованно хмыкнул.

— Ах вот, оказывается, в чем дело!.. Нарушение по-

рядка, неповиновение!.. Сказали бы коротко и ясно: помогите заслать сватов.

— Ах, мой господин! Если бы все было так просто!— воскликнул Закирбай.— Вся беда в том, что этот оборванец Хадикул отказался породниться со мной. Каков наглец!.. Своим отказом он выразил неуважение к моему званию — кишлячного аксакала. Вот в каком смысле я и говорил о нарушениях порядка.

Бузрукходжа оперся о подушки, прищурил глаза. Закирбай понял, что это значит: приближенный эмира думает, строит какие-то планы.

И гость действительно размышлял не зря.

— В таком случае, Закирбай, примите добрый совет...

— Я весь внимание!

— К этой вашей красавице подыщите еще одного милovidного баччу и преподнесите их его величеству эмиру.

Закирбай крикнул, словно его обухом по макушке ударили. Залепетал:

— Ведь я... Ваш слуга... Однако...

Бузрукходжа оборвал:

— Только невежа не может выслушать доброго совета до конца!

— Мой таксыр, извините вашего невоспитанного слугу, я... я слушаю.

— Хочу посоветовать вам, как из одного бревна построить два дома.

— Каким образом, мудрый таксыр?

— Слушайте. Преподнеся верноподданнейший дар, даст бог, вы сможете обрадовать великого повелителя и тем самым добьетесь повышения в должности. Это с одной стороны, а с другой — ваша красавица, удостоверенная милости эмира...

Сказав это, Бузрукходжа умолк и посмотрел на Закирбая. Аксакал, не понимая смысла этого взгляда, растерянно хлопал глазами.

— Наивный вы человек, Закирбай,— улыбнулся Бузрукходжа и пальцем поманил его поближе.— Гарем нашего эмира велик. Пройдет время... Пустяки, если исчезнут одна-две невольницы.

Закирбай счастливо рассмеялся... Его трясло от смеха. Он радостно потирал ладони.

— Мудрость ваша безгранична, мой таксыр!

Бузрукходжа усмехнулся и продолжал:

— Хош... Пройдет время. Ваша красotka, покинув тайком гарем, непременно вернется домой. А дальше она уже в вашей власти. Кто встанет вам поперек дороги — бросайте в зиндан. А уж мы не останемся безучастными к вашим заботам.

Закирбай возрадовался. Он будет обладать наложницей самого эмира! Какая великая честь!.. Не чуя под собой ног, он выбежал в другую комнату и вскоре вернулся с дорогим блюдом, на котором лежала богатая одежда.

— Это только для начала, мой господин.

Закирбай накинул на Бузрукходжу парчовый халат, вручил чалму из тончайшего шелка и увесистый мешочек с золотыми монетами. Два халата из адраса, принесенные слугой тоже на блюде, хозяин надел на приближенных Бузрукходжи.

Потолковали еще о том о сем. Затем хозяин почтительно проводил дорогих гостей в опочивальни.

...На рассвете, перед отъездом, Бузрукходжа предупредил Закирбая:

— Смотрите, не испортите все дело, дождитесь людей эмира. Если бог даст, и сам приеду!

Закирбай проводил гостей до большой дороги, ведущей в Бухару.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Слухи о революции упрямо ползли по городу. От них никуда нельзя было деться. Даже в самом Арке шептались о ней. И сановники эмира, предчувствуя неминуемый крах, неистовствовали, с утроенной энергией грабили народ. Особенно тяжело приходилось дехканам. А тут еще суховеи... Собравшись во дворце, то и дело измышляли всякого рода новые штрафы, налоги, невинных людей швыряли в зиндан.

И сегодняшний сбор, объявленный эмиром, не был неожиданностью для уездных амлякдаров¹. Странно было лишь то, что собраться велено было не в Арке, как

¹ Амлякдары — чиновники, налагавшие подать.

обычно, а в загородном дворце эмира Ситоре-и-Мав-Хаса. Задолго до начала чиновники сгрудились у входа во дворец. Одеты они были, как и подобает в таких случаях, парадно, ярко.

Огненный шар заходящего солнца застыл над тополями. На резных воротах сияли багровые блики.

— Закат кровавого цвета — недобрый признак,— промолвил один из чиновников.

— Может, этот закат предвещает закат благородной Бухары!— шепнула приятелю невысокий, но ладный молодой человек с умными быстрыми глазами.

С опаской оглянувшись, приятель пробормотал:

— Вы неосторожны, Абдурахман. Боюсь, как бы этот закат не свидетельствовал о конце ваших дней...

Вышел удайчи¹ и пригласил собравшихся во дворец.

В Махасе, как коротко называли загородную резиденцию эмира, распустив яркие неправдоподобные хвосты, прогуливались павлины. Высокие заборы бросали тень, длинную, мрачную. Основание заборов, лишенное солнечных лучей, почернело от сырости.

Сановники шли дальше, к большим воротам. И там, остановившись у входа в сад, заняли места, каждый по своему чину. Все замерли, сложив почтительно руки на груди.

Иранские ковры, разостланные на айване, казались вытканными из светящихся красок. Курпачи, стеганные из дорогих тканей, сверкали.

Прошло с полчаса, и показался человек в парчовом халате и чалме.

— Сейчас пожалует сам повелитель правоверных!— торжественно провозгласил он и вышел.

Придворные прошли на айван. Все отвесили нижайший поклон, сложив руки на груди, когда вышел эмир Алимхан и занял свое место. Глаза его тяжело смотрели из-под густых черных бровей. Эмир погладил бороду. Казалось, она закрыла все лицо.

— Да не покинет счастье повелителя правоверных! Да будут уничтожены враги его!— раздался заунывный голос.

Все подняли руки и провели ладонями по лицу.

¹ У д а й ч и — главный служитель дворца.

Церемония встречи повелителя со своими верными слугами закончилась.

Знатный вельможа обратился к собравшимся:

— К сожалению, ныне по нашей священной земле ходят всякие нежелательные слухи. Говорят, будто большевики взяли Ташкент, Самарканд охвачен нечестивой революцией и иноверцы начали наступление на мусульман. Вы — истинные защитники благословенной Бухары. И вам знать надлежит, что упомянутыми выше слухами опечален повелитель правоверных, несравненный Саид Алимхан. Желая нашего избавления от грозящей опасности, день и ночь его высочество ищет разумного решения.— Оратор повернулся к эмиру и замер в поклоне, прося у него разрешения продолжать. Эмир мрачно кивнул.

— Чтобы предотвратить все беды и несчастья, прежде всего необходимо пополнить высочайшую казну золотом. Мы уверены, что враги наши будут стерты с лица земли. Надеемся, что высокопоставленные сановники, собравшиеся здесь, примут участие в этом благословенном деле, исполнят желание великого эмира, ибо воля его — это воля аллаха!

Оратор посверлил глазами сановников, и сразу слышались возгласы:

— Мы покорные слуги повелителя! Его воля — воля аллаха!

Вельможа остался доволен.

— Каждую минуту наша жизнь в опасности. Мы не знаем, с какой стороны взойдет солнце завтрашнего дня. Наше положение можно сравнить с положением путника, идущего темной ночью без фонаря. Тысячи раз возблагодарим аллаха, что он поставил над нами покровителем великого и мудрейшего Саида Алимхана. Повелитель отвратит все беды и несчастья, обрушившиеся на наши головы.

Снова раздались возгласы:

— Пусть живет наш повелитель долгие годы! Да прибавится ему богатства!

— Каждый правоверный,— продолжал красноречивец,— обязан пасть ниц перед ликом нашего эмира. Тех же, кто кощунственно противодействует ему... Этим неверных ждут плаха и зиндан!

Раздался визгливый голос:

— Газават — против тех, кто против великого эмира. Газават! Священная война!

— Баракалла!¹ — похвалил оратор. — Вот именно, священная война, осененная зеленым знаменем пророка. Не забывайте, что в священном нашем городе завелись смутьяны. Они смущают умы, протянули руки и в уезды, сбивают с пути простой народ. Вероотступники покушаются на основы священного государства, на ваше благоденствие. Мы должны раздавить нечестивцев! С этой целью мы послали в их безнравственную, безбожную организацию своих людей. Они следят за каждым их шагом. Смерть богохульникам и вероотступникам! Пусть все собравшиеся здесь немедля разъедутся по уездам. Для священной войны нужен большой кошель. Их высочество мудро повелел собрать как можно больше золота, серебра, каракулевых смушек, зерна, мяса и масла и только после этого начать священный поход. Поднимайте же правоверных на священную войну! Внушайте народу словом... а если надо и кнутом, что в его интересах защищать наши интересы. Мусульмане, вся надежда повелителя — на вас.

Снова раздались возгласы:

— Воля великого эмира — закон! Смерть нечестивцам!..

Абдурахман подергал друга за рукав, зашептал:

— Ну, давайте потихоньку выходить. Пора. Друзья заждались нас, надо предупредить. Следует спешно разъехаться по кишлакам, чтобы рассказать народу об истинных планах эмира.

Абдурахман, а за ним его спутник прошли мимо стражи и за оградой под деревом на миг остановились.

— Идти вдвоем опасно... — сказал Абдурахман, и они разошлись в разные стороны.

Грозные события назревали. С каждым днем росло недовольство трудового люда против баев, эмира. Жизнь становилась невыносимой. Кто-то должен выразить протест, подняться против существующего строя...

Такие люди в Бухаре были.

Разное настроение было у людей. Одни колебались,

¹ Баракалла — bravo!

другие требовали внести в существующие порядки частичные реформы и преобразования. Третьи понимали неизбежность победы революции, но не имели определенного представления о ее плодах...

Сложилась также и партия «младобухарцев». В нее вошли люди самых разных взглядов. Каждое собрание проходило в острых спорах, серьезных разногласиях. «Младобухарцы» никак не могли прийти к определенной цели. К тому же сходки проходили нерегулярно, без подготовки, что подчас приводило к разброду.

Вот и сегодня собрание было создано неожиданно. Возможно, не успели оповестить всех членов, и многие не присутствовали. Официально никто не открывал собрания. Сразу началась горячая перепалка.

Когда пришел Абдурахман, спорщики утихомирились — ждали, что скажет проницательный Абдурахман.

Он попросил слова.

— Уважаемые друзья, только что в загородной резиденции эмира состоялся «большой сбор» злобных тиранов. Победа революции в Самарканде серьезно встревожила и его людей. Они уже сами признают, что сейчас судьба бухарского ханства висит на волоске. И они решили не сидеть сложа руки, а замутить голову простому народу и поднять его против большевиков, объявить «священную войну» под знаменем ислама. Само собой разумеется, друзья, они перейдут в решительную атаку против всех революционеров. Если мы упустим хоть минуту — нас ждет неизбежный провал. Необходимо этой же ночью выехать по кишлакам. Сейчас самое время открыть глаза дехканам, разоблачить черные замыслы угнетателей.

Но не так-то легко решаются здесь вопросы. Сидевший в углу человек, похожий на муллу, сразу же стал возражать.

— Наша забота не в том, чтобы поднять народ против эмира, досточтимый Абдурахман, не старайтесь вести людей по ошибочному пути. Мы должны побеспокоиться об улучшении жизни. Найти пути. Но забыть о том, что мы мусульмане — было бы безумием. К чему же в таком случае тревожить дехкан? Скажите, друзья, ради аллаха, разве мы объединились для кровопролития?

В разговор вмешался другой, помоложе.

— Мулла Миргияс, не притворяйтесь наивным, не считайте сидящих столь несообразительными. Мы хотим ускорить наступление долгожданного дня, когда над нашими бедными хижинами, жаждущими света, засияет солнце свободы. Свободы нельзя добиться лишь призывами и увещеваниями. Мало ли наших братьев уже томится в зинданах или рассталось с головой! Скажите, что же нам остается делать? Мы должны, обязательно должны поднять народ на борьбу против эмира. Сейчас центр революции находится в Самарканде. Надо обратиться в Самарканд, просить поддержки.

— Я не могу, почтенный Зайниддин, подать руку богоотступникам!— упрямо возразил Миргияс.

Многие собравшиеся неодобрительно зароптали.

— Наша цель, безусловно, действовать согласованно, мулла Миргияс,— стоял на своем Абдурахман.— Если вы согласитесь с мнением большинства... Что ж, действуйте по своему усмотрению.

Абдурахман на этом поставил точку. Хватит. И так потеряно много времени. А надо еще обсудить другие неотложные дела.

Выступившие одобрили предложения Абдурахмана. Собрание закончилось и он отправился домой. Нужно отдохнуть хоть немного, а рано утром отправиться в кишлак. Он только успел повернуть за Базаринав, как услышал негромкий оклик отца. Абдурахман подождал его, присев на супу у ближайших ворот. Отец подошел, опустил рядом. Оглядевшись, хрипло сказал:

— Лучше, сынок, не ходи домой день-другой. Сегодня эмир собрал своих людей в Махасе, совещался с ними о важных делах. Потом остались только сановники. Они выслушали высочайший указ об аресте всех подозрительных горожан. Уже приступили к его исполнению. Об этом стало известно твоему дяде. Он просил: «Ради бога, помоги сыну скрыться. Если узнают о нем шпионы эмира, и меня схватят, выдворят из Арка и бросят в зиндан». Едва дядя ушел, явились в махаллю сарбазы. Спрашивали «парня, что побывал на тыловых работах». Долго шарили по домам, а затем направились в сторону Деббияна. Возблагодарив аллаха, я побежал сюда, к перекрестку. Вот и увидел тебя, слава всевышнему. Потопрапливайся, сынок. Лучше иди в кишлак Халач. Най-

дешь там Рахмана-тога. Человек он надежный. Спешь, сынок!

Абдурахман не стал мешкать. Попрощавшись с отцом, торопливо зашагал по тесным переулкам. И лишь отойдя на порядочное расстояние от самаркандских ворот, немного успокоился.

...Указ царя Николая о мобилизации туркестанцев на тыловые работы коснулся, конечно, и Бухары. Каждый квартал должен был выделить определенное количество мужчин. Попал в список и Абдурахман. «Состояния» отца, который существовал продажей шурпы, разумеется, не хватало, чтобы освободить сына от этой повинности, и Абдурахман некоторое время работал на железной дороге близ Оренбурга. Там юноша близко познакомился с русским рабочим Иваном Прокофьевичем Демикиным. Иван Прокофьевич часто приглашал Абдурахмана к себе домой. Интересные, удивительные разговоры шли за чаем. Как просто и ясно рассказывал Иван Прокофьевич о событиях, происходящих в мире, о войне, о народных волнениях в городах и селах, об их причинах.

— Все должны быть свободными, Абдурахман, а для этого надо отнять власть у богачей!

Абдурахман смотрел на русского друга не мигая. Шутка ли сказать: отнять власть!

Постепенно юноша начал разбираться во многих политических вопросах. Теперь борьба за свободу и справедливость не пугала его. Без такой борьбы — он убедился в этом! — нельзя дальше жить. Нужно выгнать баев, отобрать у них землю...

Однажды Иван Прокофьевич сказал:

— Завтра ты затемно выйдешь на станцию. Когда начнет светать, подойдет товарный состав. Около шестого, красного вагона встретишься с человеком. Его зовут Алексей. Он мой товарищ. Тебе нужно только назвать свое имя. Он подвезет до Ташкента. Верные люди многое еще тебе объяснят. И потом... Потом, я думаю, найдешь дорогу к себе домой... — Иван Прокофьевич положил руки на плечи Абдурахмана. — Вернешься домой — разоблачай перед бедняками черные дела баев. Собери вокруг себя хороших друзей и действуй смело. Понял? Скоро везде будет свобода. Ну, до свидания. Возможно, и встретимся еще...

Абдурахман из Ташкента вернулся в Бухару. Нелегко было подобрать людей, на которых можно положиться. Но такие нашлись. В это время возникла организация младобухарцев. Абдурахман и его друзья тоже стали ее членами, чтобы нести людям слова правды, убеждать колеблющихся. Он часто ездил из кишлака в кишлак, разговаривал с дехканами, призывал людей на борьбу. Конечно, за подобные дела эмир по головке не погладит...

Рахман-тога удивленно уставился на юношу, даже испугался. Кто может приехать из города! Конечно, человек эмира. Опять новая подать... Абдурахман поторопился представиться.

— Так, так!— успокоился старик.— Значит, вы сын Абдурахима, торговца шурпой? Молодец, молодец сынок, ну, пожалуйте, войдите. Поверьте, не узнал вас. Лет пять-шесть назад возил вам дрова. Совсем взрослым стали. Ну-ну, проходите, сынок. Как поживает отец ваш?

— Спасибо! Передавал вам привет.

— Дай бог ему доброго здоровья. Ну, садитесь, сынок.— Каким ветром вас занесло в наши края?

— Просто так, решил заглянуть.

— Спасибо, сынок, спасибо. Добро пожаловать.

Абдурахман рассматривал старика. Нелегко, видать, живется этому человеку. Кишлак выглядит убогим, разграбленным. В доме Рахмана-тога пусто. Хотел было старик угостить юношу, да нечем.

Смущенно оглядывается по сторонам Рахман-тога, задает вопросы о жизни в Бухаре, о ценах на базаре, о налогах.

— Трудно нам,— вздыхает.

«В Бухаре не легче,— подумал Абдурахман.— И с каждым днем становится тяжелее. Нужно об этом рассказать. И не только старику».

— Знаете что, Рахман-тога?

— Слушаю, сынок.

— Позвали бы людей вроде вас. Тех, кому доверяете. Поговорили бы.

— Можно, сынок, можно. Сейчас же мой сын Равшан позовет. Эй, Равшанджан!

Равшан переводил взгляд с отца на незнакомца.

— Иди позови, сынок, Хадикула-тога, Исмата-бобо, Мурад-бека, Аминджана...— перечислял отец.— Скажи, что из города приехал гость. Пусть придут да побыстрее... Да!.. Пстой, сынок! Вчера я видел Бури-Дива. Он сказал, что у него разговор ко мне. Пусть тоже придет.

Долго ли собрать людей в кишлаке! Один за другим во двор Рахмана-тога входили дехкане, здоровались с гостем. Держались степенно. Городской человек хочет с ними поговорить. Что ж, можно его послушать.

— Вчера мне с друзьями удалось побывать в Махасе,— начал Абдурахман,— эмир собрал там своих приближенных... И вот мы хотим предупредить таких бедных тружеников, как вы, что задумал эмир и его люди. Дело вот в чем. В последнее время эмир и его сановники совсем разъярились. И есть от чего. В Россию пришла свобода. Освободился от баев Ташкент. Наши самаркандские братья тоже получили свободу. В ближайшие дни там дехкан наделят землей. Они уже не будут покоряться баям. Все это страшит эмират. И еще как! Поэтому тиран торопится всеми силами пополнить свою казну, до нитки обобрать вас — бедняков. Деньги ему нужны, чтобы задержать революцию, объявить газават! Но, как говорят, луну подолом не прикроешь. Остановить революцию — все равно что стараться закрыть небо крышкой от чайника. Велик и могуч народ во гневе. Много он пострадал. Но тираны продолжают грабить людей, хотят поднять ремесленников и дехкан на войну против верных друзей трудового народа, борцов за свободу — большевиков и тех из нас, кто их поддерживает.

— Погодите, братец. Не торопитесь. Тут каждое слово взвесить надобно... И потом... Может, представитесь? Как зовут вас?— спросил Хадикул.

— Имя мое Абдурахман.

Недоверчиво посмотрел Хадикул на гостя.

— Значит, вы мусульманин?

— Да, амаки.

— Ну, если эмир пойдет священной войной на боготступников, почему же вы считаете, что это плохо? Ведь в противном случае религия наша подвергнется поруганию!

— Нет, амаки, эмир не защищает религию, да на ве-

ру никто и не покушается. Он натравливает таких бедняков, как мы с вами, против тех, кто нам несет свободу. Он хочет сохранить свою жизнь, свою власть...

— Значит вот как?— Хадикул задумался. Затем махнул рукой:— Э, все равно... Вы говорите, новые поборы? Но ведь так всегда было... Должен же кто-то обирать!

В разговор вмешался Рахман-тога.

— Э, Хадикул, братец, странно вы рассуждаете. Абдурахман рассказывает об истинных друзьях дехкан и ремесленников. Большевики, я слышал, хотят, чтобы все труженики были свободными. Откуда у эмира богатство?.. Откуда оно у баев? Не у нас ли с вами взяли? Или же аллах послал с неба! А? Вот что вышло нынче... Собрали мы урожай. Хош! Отдали баю львиную долю, уплатили эмиру грабительские налоги... Жалкие крохи достались нам. Ну а теперь сможете ли вы считать даже оставшуюся часть урожая своей?

Его поддержал престарелый Исма-т-бобо.

— Эх, сынок...— горько усмехнулся он.— В наше время не верь даже и тому, что у тебя во рту. Что проглотил — только то твое. Бывало, сынок, что и изо рта кусок выхватывали.

Бури-Див молча разглядывал односельчан и вдруг заговорил, неловко, сбивчиво:

— ...И я уже натер спину. Только и знаю, что хребет ломаю на баев. А до этого был эмирским воином. Навидался. Для богатеев пролить кровь из-за копейного дела — такой же пустяк, как для нас произнести «хош». Где я только ни бродил, оставив родной кишлак!.. В городе живу поденщиной, в неделю раз-другой прихожу в кишлак, надышусь запахом родной земли и снова иду зарабатывать на кусок хлеба.

Бури-Див передохнул и неожиданно обратился к Абдурахману:

— Познакомьте меня с ними... С этими... которые за свободу. Я буду ходить из кишлака в кишлак и громко, во весь голос говорить людям: «Не ходите на священную войну. Хватит того, что я так горько обманут».

Он опять замолчал. Но никто не проронил ни слова. Все с удивлением смотрели на Бури-Дива, ждали, что он еще поведаст, много испытавший в жизни человек. И великан продолжал:

-- Ну, скажите, что я видел доброго от эмира, кото-

рого вы защищаете?— Бури-Див посмотрел на Хадикула.— Что я видел? Плетку! Эмир выжал из меня молодость, все силы. А потом нашли более молодого и ловкого сарбаза, и я был изгнан из Арка.— Бури-Див тяжело вздохнул.— У мечети и в медресе я просил подавание — в той священной Бухаре, которую провозгласили местом поклонения, чтобы еще более возвысить власть эмира в глазах таких простых людей, как мы с вами. Ни одной мири не подали мне богатеи. А такие же несчастные, как и я, делились последним куском лепешки. Когда я вспоминаю, что служил эмиру, выполнял его жестокие приказы, кровь стынет в жилах. Эх, как же я был обманут! Как заслужить мне прощение у простых людей?..

Бури-Див не мог больше говорить, обхватил голову руками, всхлипнул.

— Эй, эй, Бурибай, братец, что с тобой, а?— Рахман-тога похлопал его по плечу.— Брось, брось! Вот Абдурахманджан призывает нас объединиться и подняться на борьбу. Надо все это растолковать людям.

— Ох, не мастер я речи говорить. Мстить, мстить хочу! Кровососам мстить. Лишь тогда успокоюсь.

Тяжело смотреть на Бури-Дива. Всю молодость отдал он Арку, служил эмиру, а сейчас — нищий, вечно голодный.

Абдурахман вновь заговорил:

— Чтобы предотвратить напрасное кровопролитие, надобно рассказать людям всю правду. Пойти по кишлакам... Расскажите людям, какой дорогой надо идти, откуда ждать помощь... Эту помощь мы ждем из Самарканда. Свободу ждем! Недалек тот день, когда придет и к нам революция!

Абдурахман кончил речь. Все хранили молчание. Люди думали. Первым заговорил хозяин дома:

— Дай бог тебе счастья, сынок! Спасибо. Будь спокоен. О чем ты говорил, мы передадим людям. Можешь положиться на нас. Все передадим.

Присутствующие одобрительно закивали.

— Расскажем...

— Люди поверят вам.

— Спасибо, сынок.

Вечером Абдурахман зашагал в соседний кишлак.

Мечется осенний ветер, срывает с веток пожелтевшие листья, крутит в воздухе, швыряет наземь... Вновь и вновь набрасывается на сад. Сорванные листья, прячась от ветра, словно бы спешат укрыться под кустарниками.

Равшан наблюдает за листьями. Они будто живые существа. Наблюдает и думает. Многое он услышал вчера от городского парня.

Власть эмира накануне гибели. В Россию пришла революция... И Ташкент освободился от баев. В Самарканде — свобода. Скоро дехкане получат землю. Теперь они не будут покоряться баям!

Необычные слова. Простые, но необычные. Что же произойдет? Какой она будет — новая жизнь?

Много лет Равшан с отцом обрабатывают маленький клочок земли, ухаживают за посевами, собирают урожай. Едва успевают они, как муравьи, перетаскать урожай в амбар, является аксакал кишлака, за ним — люди эмира и, ссылаясь на вековые законы, забирают почти весь урожай!

Бедному дехканину оставляют самую малость. Несчастный не знает, что и делать. Если сберечь на семена, нечего будет есть. Истратить в пищу — лишится семенного зерна.

Ветер срывает и уносит листья с деревьев. Есть что-то общее между этими деревьями и дехканами. Деревья плодоносят, а наслаждаются плодами другие. Дехканин в поте лица выращивает урожай, а плодами его каторжного труда наслаждаются богачи.

Много тревожных мыслей рождается в голове юноши. Сверкнут молнией и сразу же исчезнут. На мгновение только осветят события, жизнь людей... И опять темно... Но все чаще и чаще сверкает молния. Крепкие руки сжимаются в кулаки. Равшан вспоминает гостя — Абдурахмана. Как не позавидовать этому скуластому, худощавому парню. Он грамотный, наверное, знает, как нужно поступать в жизни, что делать. Вот подойти бы к нему и сказать: «Возьмите меня с собой. Научите всему».

А как же Гульбадам?

Ох, Гульбадам, Гульбадам!

«А что если рассказать ей? — подумал юноша. — Вот возьму и зайду к ней, поделюсь с Гульбадам своими думами... А вдруг она обидится?.. А может, нет?»

Равшан решительно зашагал по улочке. Вот и ворота. Взялся за кольцо, звякнул.

— Кто там?

Голос Гульбадам! Юноша вздрогнул. Может, уйти?

— Кто там?— переспросила Гульбадам.

Равшан ответил нерешительно:

— Я-я...

Звякнула цепочка, со скрипом открылась калитка. На Равшана удивленно и радостно смотрели большие черные глаза.

Совсем растерялся Равшан. Казалось, все исчезло — и кишлак, и деревья, и ворота, в которые он только что стучал... Он видел лишь Гульбадам, и не знал, что сказать.

А сказать нужно... О чем же? Ах да... Он ведь приготовил вопрос.

— Хадикул-ака дома?

— Отца нет, уехал в степь.

Сдерживая дрожь в голосе, Равшан чуть слышно произнес:

— Хорошо, что вы дома...— сказал и посмотрел в глаза девушки.

Она не выдержала взгляда. Наклонила голову. Но все же кольнула вопросом:

— Что с вами? У вас такой робкий вид!

Равшан покраснел. А может, она хотела сказать: «За чем стучаться в ворота, когда у вас совсем нет смелости!»

Он собрался с духом:

— Не легко, оказывается, встретиться лицом к лицу с той, кто лишил тебя смелости!

И шагнул через порог — смело, твердо. Закрыв ворота за собой. Медленно подошел к девушке и встал перед нею. Теперь он ясно слышал отрывистое дыхание Гульбадам. Она молчала. Оба замерли в предчувствии чего-то важного, необычного. Равшан коснулся ее руки. Гульбадам по-прежнему молчала. Он взял ее руку. Ладонь пылает, но отпустить он не в силах. Так, прислушиваясь к своему прерывистому дыханию, они прошли к дому.

Здесь, возле распахнутой двери, Гульбадам осторожно высвободила руку, кивнув на порог, пригласила:

— Садитесь...

— А вы?— Равшан осторожно прикоснулся к ее локтю. Гульбадам молча села. Порог был узкий. Равшану

пришлось опереться о косяк, и плечо Гульбадам касалось его груди.

Ветер теребил ее волосы.

Какая удивительная тишина! Вот так бы и сидеть всю жизнь, слуховать беспокойный, тревожный, но радостный стук собственного сердца. Стук сердца — на весь огромный мир!... Неужели уже ночь на дворе?..

Набежали тучи. Гульбадам воскликнула:

— Смотрите, звезды... Они исчезли!

— Звезды робеют перед вами, прячутся...

— Чего им робеть передо мною?

— Перед вашей красотой. В сравнении с вашими сияющими глазами, Гульбадамхон, звезды — ничто!

— Это вам так кажется... — прошептала девушка.

Первое неловкое объяснение. Хочется о многом сказать, но куда только деваются слова? Как звезды, сверкнув — и сразу же исчезнут.

— Вы слышали, Гульбадам?

— О чем?

— В наш кишлак приехал человек из города, говорит, надо бороться против баев. Этого человека зовут Абдурахманом.

— Страшные слова он говорит, Равшан-ака!

— Но справедливые, Гульбадам. Не будь баев и других притеснителей, трудовые люди жили бы счастливо.

— Это верно.

— А коли так... Хотели бы вы, Гульбадам, помогать бороться за счастливую жизнь?

— Кому? — удивилась девушка.

— Мне, Абдурахману-ака, всем, кто испытал на себе гнет и притеснения! — горячо заговорил Равшан.

Гульбадам потупила глаза.

— Я готова всегда быть рядом с вами, Равшан-ака! Я... Разве могу я забыть страдания. Гибель матери? Никогда!

— Не горюйте, Гульбадам. Придет свобода, обязательно придет! Об этом сказал гость из города. Но чтобы добыть свободу... Для этого и надо, оказывается, объединиться всему кишлаку. Если объединимся, то сам эмир будет трепетать перед нами!

— Да будет так, как вы сказали, Равшан-ака!

Гульбадам и Равшан смолкли.

Теперь их ничто не может разлучить. Их сердца всегда будут вместе.

Так они думали.

Подобного чувства Равшан еще никогда не испытывал. Сейчас он жаждал взяться за самое трудное дело, встретиться с самым сильным врагом.

До поздней ночи не мог заснуть Равшан. О многом передумал. Он обязательно будет вместе с такими, как Абдурахман. Обязательно. Он поможет людям!

Только на рассвете заснул Равшан. Разбудил его зов отца.

— Вставай, сынок, иди, посмотри... Какая-то суматоха поднялась на улице.

Равшан вскочил и побежал к воротам. Он услышал голос Закирбая. Властный, хозяйский голос:

— Немедленно собирайте людей на площадь. Из города приехали важные сановники эмира. А ну-ка, шевелись побыстрее!

Равшан с отцом подошли к раскидистому карагачу. Здесь уже толпились односельчане, подходили остальные — хмурые, озабоченные, молча усаживались вокруг супы. Ничего хорошего дехкане не ждали от посланцев эмира.

Когда все были в сборе, со стороны дома Закирбая показался Бузрукходжа со своими спутниками. За ними следовали Закирбай и несколько эмирских сарбазов.

При виде сарбазов Рахман-тога сокрушенно покачал головой, посмотрел на Хадикула, как бы говоря: «Видишь?» Исмаг-бобо что-то шепнул сидевшим рядом. Односельчан охватила тревога.

Люди эмира степенно уселись. Бузрукходжа обвел жителей кишлака тяжелым взглядом и начал речь.

— Сам великий эмир направил меня к вам...

— Да продлит аллах жизнь великому эмиру! — хрипло воскликнул Закирбай.

Бузрукходжа одобрительно кивнул и продолжал:

— Священная Бухара — опора ислама и шариата — находится на пороге печальных событий. Коварные богохульники, именуемые «болшавик», захватили Ташкент, завладели Самаркандом. Они уже в Кагане. Опасность может настичь и нас. Поэтому их высочество обеспо-

коен заботой о вас, своих подданных. Он ночей не спит, ищет пути избавления. Для отражения натиска коварных богоотступников надо снаряжать войска, собирать людей. И посему великий эмир приказал: каждый подданный в уплату недоимок за прошлый год обязан отдать мешок зерна и еще два мешка в пользу казны. Кто уклонится от исполнения высочайшего фирмана, тот будет наказан — его забьют камнями как оказавшего поддержку богоотступникам или же бросят в зиндан. К таким людям не будет никакого снисхождения. Их высочество изволили также повелеть, чтобы ни один правоверный не остался в стороне, когда мы пойдем священной войной на богоотступников. Надеемся, что подданные твердо придерживаются религии и шариата и выполнят мудрое повеление владыки.

— Конечно, моя дорогой таксыр. Если нашему эмиру угрожает такая опасность, мы готовы принести в жертву и богатство, и жизнь свою!

— Хош, начинайте, Закирбай,— сказал Бузрукходжа, передавая ему большой лист бумаги.

— Исмат-бобо, сын Таджи. Прошлогодня недоимка один канар, в пользу казны — два канара. Ну, идите, порторапливайтесь, Исмат-бобо.

Старик схватился руками за грудь, словно сердце его рвалось наружу. Некоторое время он беззвучно шевелил сухими губами. Наконец чуть слышно сказал:

— Милый Закирбай, ведь вы хорошо знаете... Безводье в этом году, недород! У нас остались жалкие крохи, чтобы не умереть с голода. Что же будет, если отдадим и это? Ведь нас ждет голодная смерть, сынок!

— Попридержи язык, старик!— крикнул Закирбай и угрожающе вскинул кулак.

На висках у Исмата-бобо набрякли жилы. Старик заплакал.

— Принесешь или нет?

— Мусульмане, это же беззаконие! Ведь погибнем мы!— повернулся к односельчанам Исмат-бобо.

По еле заметному кивку эмирского сановника к старику рванулись сарбазы, скрутили руки и бросили к ногам Бузрукходжи.

— Проси прощения, собачье отродье! Ты оскорбил самого эмира!

Исмат-бобо протянул дрожащие руки к Бузрукходже:

— Есть ли совесть у вас? Не стыдно ли обирать народ среди белого дня?

Со свистом опустилась плеть... Еще раз... Еще... Исма-мат-бобо недвижно распластался на земле. Закирбай приказал приближенным:

— Идите! Вынесите из дома этого забывшего бога святотатца все зерно, погрузите на арбу. А старика арестуйте. В кандалы его, в кандалы!

Грабеж продолжался несколько часов. Подошел черед Хадикула. Руки у него дрожали. Он смотрел на Закирбая и все твердил:

— Сжальтесь! Будьте снисходительны!

Многозначительно взглянув на Бузрукходжу, Закирбай внушительно произнес:

— Положение этого человека очень тяжелое, мой таксыр. У него большое горе — умерла жена. Недоимки за прошлый год — два с половиной канара зерна. Прошу простить ему один канар.

Хадикул невольно шагнул вперед.

— Сжальтесь, мой таксыр. За прошлый год у меня нет недоимок, все взяли. Сжальтесь, не разоряйте меня.

— Если ты уже отдал, значит, люди эмира врут. Так, что ли? Ну, говори же, бессовестный! — подскочил к Хадикулу один из сарбазов.

— Таксыр, ведь я правду говорю! Сжальтесь, таксыр!

Бузрукходжа, обернувшись к Закирбаю, усмехнулся.

— И вы еще просите сделать снисхождение этому человеку?

— Простите меня, мой таксыр, простите! — пролептал Закирбай, низко кланаясь.

Бузрукходжа протянул руку в сторону Хадикула и приказал сарбазам:

— Вынесите все зерно из дома этого человека.

Сарбазы кинулись выполнять приказ и вернулись с канаром зерна.

— Что? Больше ничего нет? — удивился Бузрукходжа.

— Нет, таксыр, это все.

— Вынесите из дома имущество!

— Нет ничего стоящего, таксыр! Вот только дочка его...

Бузрукходжа небрежно бросил Закирбаю:

— Вы пока продолжайте сбор налога, а я сам осмот-
рю дом этого человека.

Услышав вроде бы безобидные слова Бузрукходжи, Равшан побелел, как полотно. Как, как защитить Гульбадам? Юноша с ненавистью посмотрел на вооруженных эмирских прислужников. Что делать? Чем помочь любимой! Сарбазы с Бузрукходжой подходили к дому Хадикула. Равшан невольно двинулся следом. Остановился у ворот. Со двора донесся голос Бузрукходжи:

— Благодарю всевышнего, что есть у тебя красавица дочь, глупый старик. Даст бог, явится в твой дом благополучие. Великий эмир, отец наш, простит тебе твой долг. Возможно, и одарит щедро.

Раздался отчаянный крик Хадикула. Кровь бросилась в лицо Равшану. О негодяй!.. Как помочь? Чем?.. Ворваться и схватить эмирского прислужника за горло? А сарбазы? Но медлить нельзя... Нельзя!

Показались сарбазы. Они волокли Гульбадам к арбе. Девушка рвалась из рук, кричала:

— Отец! Помогите!

Равшан стремительно шагнул вперед, снова замер. Сарбазы вывели Хадикула со скрученными руками, швырнули наземь.

— Спасите меня, отец, не отдавайте меня!

— Доченька, доченька, не отнимайте у меня дочь!

Равшан уже не мог сдерживать себя. В глазах у него потемнело. Крики несчастных звучали в ушах. Юноша рванулся, схватил одного из сарбазов, державших Гульбадам, за горло, изо всех сил ударил. Сарбаз отлетел к воротам, стукнулся затылком о балку и медленно осел на землю. Другой сарбаз бросился на Равшана, хотел несколько раз ударить его прикладом ружья, но от свирепого удара головой в живот екнул и свалился под арбу. Пока опомнились Бузрукходжа и третий сарбаз, пошли дехкане.

Подталкивая свою добычу к арбе, Бузрукходжа угрозил Равшану револьвером.

— В зиндане сгною, бунтовщик! Твое счастье — тороплюсь. Но за мной не пропадет.— Затем пнул сарбаза, валявшегося под арбой.— Вставай! Трогай, лев, побитый кошкой!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Поздно поднялся Равшан. Голова его разламывалась от боли, тело налилось свинцом. Но сильнее всего болело, невыносимо болело сердце! «Гульбадам! Гульбадам!»

Равшан вынужден был бежать из родного кишлака. Скрывался в кустарниках. Надо разыскать Абдурахмана. Иначе пропадешь. Но сначала он должен навестить родных. Не грозит ли им опасность?

В полночь Равшан вернулся тайно. Ходил как помешанный, не знал, что делать, за что взяться... Тревожно на душе. То подойдет к двери, задумается, то долго рассматривает розу, бережно положенную в пиалу, — ту самую розу, что подарила Гульбадам.

Вот он взял пиалу, бережно наклонился над розой. И снова зазвучали слова Гульбадам: — «Я сама прививала... Если хотите, я вас научу. Хорошо? Будете тоже выращивать прекрасные цветы...»

Что она сказала в последний раз? — «Больше никогда не буду выходить к вам...» Но как она при этом смотрела на Равшана! Разве можно забыть ее взгляд!

Глубоко вздохнув, юноша вышел во двор. Куда пойти? К кому обратиться? Кто выслушает и облегчит его горе? Мысли путаются...

Равшан, опустив голову, дошел до ворот. Отец испуганно окликнул его:

— Сынок! Вернись. Тебя же разыскивают!

— Ну и пусть! Пусть разрубят на куски, бросят в яму. Для чего такая жизнь?

— Мужчина должен держать себя в руках, — укоризненно сказал Рахман-тога. — Надо все обдумать, найти выход... В этом и достоинство стойкого, смелого человека, сынок. — Помолчав, добавил: — Заходил ко мне Хадикул. Совсем извелся, бедняга. Горе сломило его. Не дай бог никому испытать такое. Смотреть на него нет сил. Сердце сжимается, глаза жжет, будто вонзили в них горячие вертела. Надо что-то делать, сынок. Нехорошо сидеть сложа руки. Думаю, тебе надо найти нашего друга Абдурахмана. Передай привет, скажи, что пришел к нему за советом и помощью. Может, подскажет, что делать. Как-никак городской человек, ум у него светлый.

Добрые слова отца подбодрили Равшана. Ему теперь казалось, что стоит лишь появиться в городе, сразу же Абдурахман освободит и выручит Гульбадам. Вспыхнула надежда.

— Спасибо, отец, ночью я уйду.

У обочины дороги, ведущей в город, Равшан заметил какой-то силуэт. Присмотрелся. На большом камне прилежал путник. Равшан разглядел Бури-Дива.

Первым желанием было — быстро пройти мимо. Но Бури-Див поднял голову.

— Равшан? Ты ли это? Отчего странствуешь во тьме? Чего сторонись? — Великан вздохнул. — И ты хочешь растравить рану моего сердца? Почему мне не верят? Почему? Разве виноват я, что вырос сиротой? Еще не успел поумнеть, встать на ноги, а эмирские сарбазы взяли меня к себе... Они учили меня, они наставляли... Чему учили? Твердили одно: «Указы эмира — это воля самого аллаха»... Мне шел двадцатый год, — продолжал он. — Всех, кто находился за воротами Арка, я ненавидел. И я рвался в бой, как лев, жаждал кромсать мечом... Острым мечом с перламутровой рукояткой. Все мои годы — это битвы... Рекою лилась людская кровь. Я помню, сколько голов полетело в страшном бою с хорезмийцами у берегов Амударьи. С холма катились головы в реку. Этот холм так и называют «Калла юмаланди»¹.

Своим признанием Бури-Див бичевал себя. Каждое слово стегало его, словно камчой.

— Меня хвалили за смелость, жестокость в боях... А когда я сам попал в беду... Только тогда я начал понимать жизнь, братец мой, Равшанджан! Сжался надо мною, протяни руку помощи, поведи к этому гостю из города — Абдурахману! Хочу мстить... Мстить тем, кто искалечил мою жизнь, сделал из меня зверя. А я ведь — человек, Равшан! Че-ло-век!

Чувство жалости шевельнулось в душе Равшана. Присел рядом.

— Не надо так, Бури-ака, — сказал он мягко, — успокойтесь. Сейчас весь кишлак уже иначе думает о вас.

¹ «Калла юмаланди» — «Пережат головы».

Вы же бросили травить себя анашой? Вы говорите — искалеченная жизнь... У кого она лучше? Назовите... После вчерашнего грабежа в кишлаке не осталось и горсти зерна.

— О братец мой, Равшан, если бы мое горе было только в этом. Душа страдает!— Бури-Див отвернулся.— Нет, не могу вымолвить. О аллах!..— Голос его дрогнул.— Я хочу сам рассчитаться с ними. Я не виноват. Прости же, аллах, заблудшего раба твоего.

— Бури-ака,— обратился к нему юноша,— в моих ушах до сих пор звучат слова Абдурахмана. Как оглянешься вокруг, приходишь в ужас. Куда ни посмотришь — всюду оборванный, нищий люд. Все наши пожитки — рваная постель да дырявая кошма. Люди дни и ночи до изнеможения работают на баев. Почему мы так живем? Неужели, если сплотится весь кишлак, не сможем проучить нескольких взбесившихся собак вроде Закирбая? Не под силу, что ли? Под силу, только никто не решается на это. Вы помните слова гостя из города? Бедные люди, вроде нас, в соседних городах уже избавились от баев. До каких же пор мы будем терпеть обиды и притеснения?

Бури-Див встал и положил громадную руку на плечо юноши:

— Спасибо тебе, Равшанджан! Веди к Абдурахману. Мои кулаки превратятся в камень! Враг узнает их силу.

— В таком случае слушайте, Бури-ака!

— Я весь внимание, братец мой!

— Известно мне стало, что приходил человек из кишлака Имамказихан. Я должен был завтра пойти в тот кишлак, собрать честных людей, поведать им все, о чем говорил нам Абдурахман-ака. За мной охотятся люди эмира. Поэтому я вынужден скрываться. И я вас прошу... В полдень подойдите к нашим воротам. Когда появится человек в одежде каландара и попросит у вас милостыню, вы отвернитесь и скажите: «Разве нищий с мешком просит милостыню у нищего без мешка?» Каландар ответит: «Не обижайтесь, братец, бог, одаривший желудком, одарит и хлебом насущным». Этот каландар скажет, куда и когда вам идти. Там расскажите людям обо всем... Пусть они тоже идут дальше, в соседние кишлаки. Пусть собирают народ.

— Понятно, Равшанджан. Будь спокоен, я сделаю все.

... — Так я пойду, Бурн-ака. Пойду к Абдурахману. Когда вернетесь в город, надеюсь, встретимся.

— Спасибо, братец Равшанджан, спасибо!

Юноша вышел на дорогу. Равнодушно, тускло светила луна.

Спит Бухара. Как спокоен на вид город! Тишина... попрятались за глинобитными стенами домов люди со своими делами и бедами.

Равшан шел через махаллю скорняков — Пустиндужан. А чуть дальше — махалля медников — Мисгарон. С самого утра гнут спину мастера в своих мастерских... Трудолюбивый и нищий городской люд.

Равшан приближался к Регистану. Учащенно, нетерпеливо забилося сердце. Юноша остановился возле хауза напротив Арка. Огромные темно-серые ворота, конечно, заперты. Высокие стены, как неприступная скала, внушают страх. Что творится там, за этими стенами? Одно знает Равшан — там томится любимая, Гульбадам. Юноша повернулся и зашагал в сторону Арка. Но внезапно раздался окрик:

— Кто ходит в такой поздний час?

С двух сторон, словно из-под земли, выросли два стражника. Равшан еле нашелся.

— Заблудился... Извините. Сейчас уйду.

— Ладно, проваливай, деревенщина.

Равшан не заметил, как дошел до Базарнава. Сел у арыка, пересекающего город. Тишина, гнетущая и, кажется, бесконечная. Равшан поднялся, подошел ко двору с забором кирпичной кладки. Постучал в калитку. Немного погодя — еще...

Раздался приглушенный голос:

— Кто?

— Это я, Абдурахман-ака, Равшан, сын Рахманатога.

Звякнула цепочка. Осторожно приоткрылась калитка.

— Заходите!

Равшан вошел во двор. Абдурахман поднес к его лицу фонарь.

— Неужели это вы? Я, признаться, не поверил собственным ушам.— Он тщательно запер ворота.— Види-

те, за мной охотятся, приходится принимать меры предосторожности.

Пригласив гостя пройти в комнату, Абдурахман зажег маленькую лампу и поставил ее на разрисованный узорам медный поднос. Абдурахман испытующе посмотрел на юношу.

— Извините,— Равшан смущенно теребил ворот рубахи.— Извините, побеспокоил в такой поздний час. Меня тоже ищут стражники... Мне отец все передал, но, к сожалению, в Имамказнхан я не смог пойти. Послал туда Бури-Дива. Он жаждет искупить вину, хочет помочь людям... Может, я что не так сделал, а?

Абдурахман поглядывал на юношу с таким видом, будто впервые увидел. Действительно, эти несколько дней превратили мальчика в мужчину.

— Друг мой,— сказал Абдурахман,— я спокоен за вас. Вы юноша разумный.

— Спасибо, Абдурахман-ака. Располагайте мною. Всегда, в любое время готов... Подберу таких бедняков, как сам, и буду ходить по кишлакам, рассказывать людям правду.

— Спасибо, Равшанджан. Это хорошо, что решили служить народу. Его счастье — ваше счастье. Иначе жизни не будет....

Абдурахман задумался, сдвинув густые брови.

— Одного не забывайте. Начатое нами доброе дело требует много сил. Нужно повести за собой тысячи и тысячи. Чем больше мы сплотим вокруг себя униженных и угнетенных, тем больше будет наша сила. Если народ в один голос воскликнет: «Свобода!», то от громового эха вздрогнет и обрушится Арк.

— Понял, Абдурахман-ака.

Абдурахман одобрительно кивнул и поинтересовался:

— Ну, а что нового в кишлаке? Как поживает ваш отец?

— Спасибо, ничего... Вот только...— юноша замаялся,— мы очень беспокоимся за Гульбадам. Хотели просить у вас помощи.

— Слушаю.

— Помните Хадидула, который спорил с вами? Все ислам защищал?

— Помню.

— Люди эмира увезли его дочь!

— Знаю, знаю, Равшанджан. Отняли у людей последнее. Увезли дочь бедняка за долги!.. Знаю, знаю.

Равшан даже приподнялся.

— Гульбадам замечательная девушка! Она...— Юноша побледнел, добавил глухо:— Ее увезли в Арк!

— Нет, Равшанджан, ее в тот день доставили к Закирбаю, принарядили. И лишь сегодня привезли в Арк. Вместе с ценными вещами хотят ее преподнести эмиру.

Равшан снова вскочил, задыхаясь от гнева.

— Садитесь, Равшанджан. Не надо горячиться. Как говорят, напрасные старания поясницу сломают. Помните, что не всегда отвага разумна.

Равшан медленно опустился на свое место. Он почувствовал на себе испытующий взгляд Абдурахмана.

— Кем тебе эта девушка доводится?

Равшан невольно покраснел и опустил глаза.

— Понятно... Надо, Равшанджан, все обдумать и потом уж действовать. Кулаками должен управлять разум. Вы себя только погубите. А поразмыслив как следует, мы, пожалуй, сумеем помочь Гульбадам бежать из Арка.

Абдурахман ободряюще улыбнулся.

— Да, это можно, пожалуй, устроить. Невольницу поведут в бани. Поведут под охраной сарбазов. Придется приготовить верных людей и малость повоевать, если не удастся избежать свалки.

— Разрешите, я пойду!— вскричал Равшан.

Абдурахман удовлетворенно взглянул на юношу.

— Хош... Значит, хотите пробраться во дворец?

— Конечно! Завтра придет Бури-Див, он хорошо знает Арк. Вместе бы с ним.

Опять сдвинулись брови у Абдурахмана.

— Пока отдыхайте, а завтра поговорим.

— Хорошо, Абдурахман-ака...

Если ночь показалась Равшану длиною в год, то день — еще длиннее. Все надежды свои он возлагал на этого человека.

Равшан решил побродить по городу. Миновав молочный базар, приблизился к минарету. Вот и Регистан... Равшан невольно остановился, увидев толпу людей.

Знакомая картина... Очевидно, по указу эмира, готовится публичное наказание какого-нибудь бедняги. Позорные судилища, дикие расправы над людьми участились. Сарбазы ходили по дворам, собирали людей, затем приводили их на площадь — глядите и устрашайтесь! Однажды Равшан привозил в город дрова, и его вместе с толпой пригнали на Регистан. Защемило сердце — юноша увидел заключенного, приговоренного к семидесяти пяти ударам плетью.

Вспомнив об этом, Равшан попытался было дать тягу, однако сарбазы уже оцепили Регистан.

Вскоре к подножию минарета Калян сарбазы принесли и бросили наземь большой, туго завязанный мешок. Мешок шевелился.

Люди мрачно покачивали головами.

Человек в парчовом халате вышел вперед и провозгласил нараспев:

— Правоверные! Назира, дочь Даврана, за нарушение шариата и непослушание, по величайшему указу нашего покровителя, великого эмира Алимхана, будет сброшена в мешке с этого минарета. Всех, кто попирает нашу религию, всех непокорных ожидает такая же кара!

Сарбазы схватили мешок и исчезли в двери, ведущей на лестницу минарета. На площади наступила гнетущая гишина. Казалось, толпа не дышала. Испуганные, настоженные глаза людей устремились вверх. Сто и одна ступенька! Их не видно, но все словно считают, как сарбазы поднимаются выше и выше... Вот они показались в овальных окнах минарета — «Башни смерти». А вот и мешок. Достаточно толкнуть, и мешок рухнет вниз.

Люди, как по команде, опустили глаза. В это время раздался душераздирающий крик:

— Сестричка!

Все обернулись. Кричал мальчик лет тринадцати... Покачнувшись, он упал без сознания.

Равшан подбежал первым, поднял на руки и вынес его из толпы. Набрал из арыка пригоршню воды, плеснул в лицо...

Когда мальчик пришел в себя, Равшан торопливо увел его в тихую улочку. Усадил, дал попить.

— Сестричка... Сестричка... — рыдал мальчик. — Родная сестричка!

Равшан погладил его по голове.

— Что сделала твоя сестра?

— Готовились к свадьбе... Ее жених — наш сосед Салим... Но вот пришли сваты от богача — ювелира Халимджана. Сначала отец отказал им. Приходили другие люди, много людей. Они уговорили отца. Затем вдруг моя сестра исчезла. На другой день сестру задержали у ворот Шергиран. Отца и мать тоже увели сарбазы. Бросили в зиндан. А сестричку...— И он снова заплакал.

— Не убивайся, братец. Мать и отца выпустят. С кем ты сейчас живешь?

— С тетей.

Мальчуган вытер кулаком глаза и, не промолвив больше ни слова, зашагал прочь.

Равшан смотрел ему вслед. Вернуть? Взять с собой? Куда? Он сам скрывается, Абдурахман под подозрением...

Что делать? Юноша сжал ладонями виски. Что делать? Пусть тебя этот мутный поток несет, как мелкую соринку? Ведь жили так отцы и деды!

Нет, нужно искать другую дорогу. Ту, о которой теперь говорят все чаще и чаще. Сколько можно смотреть на слезы обездоленных бедняков! Сидеть сложа руки — трусость. Пусть раскромсают тело на части, пусть иссохнет оно в зиндане... Но он хочет видеть счастливые улыбки людей. Он должен им помочь.

Равшан зашагал в переулок... Миновал молочный базар. Возле высокого портала медресе остановился перевести дух. Сел на супу у древнего здания. Холодный ветер гулял по Бухаре. Редкий прохожий, втянув голову в ворот камзола, спешил к дому. Маленькие окошечки в кельях медресе, выходящие на улицу, плотно закрыты. На высоком портале мечети топорщила перья ворона.

Равшан сидел, не отрывая глаз от дороги, словно сейчас здесь должна была пройти Гульбадам.

Гнусавый голос суфия с башенки мечети Базаринав призывал к молитве. Равшан вздрогнул и встал. Уже сгущались сумерки, когда юноша повернул на улицу, где жил Абдурахман.

Он заглянул в комнату. Там горячо спорили. С минуты он постоял в передней, разыскивая взглядом Абдурахмана. Его не было. Юноша хотел повернуть к выходу,

чтобы не привлекать внимание гостей, но навстречу двигался хозяин дома с чайником в руке.

— Равшанджан! Давайте, проходите сюда.

Юноша молча сел и стал рассматривать присутствующих. Его внимание привлек человек одних лет с Абдурахманом, который сидел в дальнем углу. Большие глаза были печальны. Сосед его говорил что-то, но человек с печальными глазами лишь рассеянно кивал головой и снова погружался в свои мысли.

— Кто это, Абдурахман-ака?— шепотом спросил Равшан.

— Зайниддин, один из наших руководителей. Я рассказал ему о вас.

Равшан с интересом посматривал на Зайниддина. Раз это один из руководителей, он, наверное, знает все. В присутствии Зайниддина и его друзей Равшан почувствовал себя смелым. Он словно был в крепости, куда ни Закирбай, ни Бузрукходжа, ни даже сам эмир не смогут проникнуть.

— Уважаемые братья,— медленно заговорил Зайниддин,— принимая во внимание чрезвычайность и секретность обсуждаемого сегодня дела, мы пригласили на собрание исключительно проверенных членов нашей организации.

Равшан бросил на Абдурахмана вопросительный взгляд, дескать, а как быть мне? Хозяин дома улыбнулся. И теперь Равшану казалось, что все находившиеся здесь люди — близкие, родные, братья. И Зайниддин говорит для него, специально для него — надежного члена организации.

— Итак, друзья,— продолжал Зайниддин,— прошло немало месяцев, как в Самарканде победил простой народ. Это стало примером для Бухары. Угнетенный эмиром народ бушует как море. Чаша его терпения переполнилась. Поэтому и неистовствует так эмир. Однако сановники забывают, что с усилением притеснений растет и волна недовольства. Людей, верящих в возможность обрести свободу, с каждым днем становится у нас все больше. Настал, друзья, час обратиться в революционный центр за помощью. Там организованы красногвардейские полки. Они окажут братскую помощь! И нам надо объединиться в боевые полки...

Равшан слушал, затаив дыхание. Значит, Зайниддин-

ака и в самом деле большой человек, коли говорит так открыто против эмира. Значит, он твердо верит в победу...

Тем временем Зайниддин продолжал:

— Предупреждаю, эмир готовит ловушку, надеется захватить всех революционеров. Он наводнил Бухару и кишлаки шпионами, согладателями. Они выдают себя за сторонников свободы, горланят об эмирской реформе, призывают выйти на демонстрацию, чтобы приветствовать эту реформу. Будьте осторожны! Предупредите всех, что участвовать в этой манифестации-ловушке не следует. Очень плохо она может кончиться. Ведется тщательная подготовка к разгрому освободительных сил. Все поняли? Не поддаваться на провокации! И последний вопрос.— Зайниддин окинул взглядом присутствующих.— Нужно решить, кто будет поддерживать связь с Самаркандом.

— Мы как раз хотели просить вас об этом,— сказал Абдурахман. Дело серьезное. Не каждому по плечу. Вам бы и держать связь с Самаркандом.

— Хорошо,— кивнул Зайниддин после минутного молчания,— благодарю, друзья, за доверие. Если решите, пусть и Абдурахман со мной поедет.

Предложение это особенно пришлось по душе Равшану. Он даже крикнул от радости:

— Пусть Абдурахман-ака!

И остальные поддержали предложение Зайниддина:

— Абдурахман не подведет!

— Решено.— Зайниддин поднялся. Поднялись и остальные. Зайниддин спросил Абдурахмана:

— Вы об этом парне говорили?— Он с улыбкой глянул на зардевшегося Равшана, положил ему руку на плечо.— Излишняя застенчивость вредит делу, друг. Мы должны быть настойчивыми, решительными. Понял?

Равшан, соглашаясь, кивнул.

— Понял.

— Чувствуется, что ты смелый, крепкий парень. Если уж врагов не боишься, то нужно быть смелее с друзьями. Не красней. Потом, повернувшись к Абдурахману, твердо сказал:

— Я думаю, он поможет. Такие люди очень нужны нам, нашему делу.— И, как старший, обнял Равшана.— Мы ждем от тебя помощи! Понял!

— Понял...— опять чуть слышно ответил Равшан.

Когда Абдурахман, проводив друзей, вернулся, Равшан нетерпеливо спросил:

— О какой помощи он говорил?

Абдурахман задумался.

— Зайниддин прав. Ты крепкий, смелый человек. Но в нашем деле этого мало. Нужно верить в будущее. Посвятить себя борьбе за будущее народа.

— Да, разве?.. — удивился Равшан. — Разве я... Вы только скажите, что нужно делать. Я все сделаю.

Абдурахман сжал его руку и улыбнулся.

— Знаю, знаю. Но горячиться не нужно. Еще в нашем деле нужно быть спокойным, хладнокровным.

— У меня столько накопилось. Здесь, — Равшан показал на сердце.

— Все равно, нужно быть хладнокровным.

Равшан понял, что и Абдурахман, и Зайниддин, их друзья заняты большим, настоящим делом. И сейчас было неудобно вспоминать о своей личной беде. Но Абдурахман широко улыбнулся и заговорил о судьбе Гульбадам.

— Все в порядке, Равшан. Мы обошлись без вас. А вам надлежит отправиться по кишлакам. Прежде всего навестите родной Холач. Только будьте осторожны. Вечером глашатаи объявили об исчезновении из гарема Гульбадам. Сарбазы как шайтаны снуют по городу. Если попадетесь к ним в руки...

Равшан растерянно оглянулся.

— Пропала Гульбадам. Как же?..

Абдурахман лукаво усмехнулся.

— До свидания. Хотя, подождите минуту... — и вышел.

Равшан стоял, ничего не понимая. Вдруг распахнулась дверь, и на пороге появилась... сияющая Гульбадам!

— Ассалям алейкум, Равшан-ака!..

У юноши перехватило дыхание.

— Ваалейкум ассалям!..

Равшан совсем растерялся. Что это? Сон? Нет, это она, любимая Гульбадам. Не надо глупо улыбаться. Следует держать себя достойно.

— Благо, что вижу вас собственными глазами. — Равшан подошел ближе к девушке. — Вдвойне счастлив тем, что вижу вас сейчас, когда мы мечтаем о светлых днях. Эти дни скоро настанут, Гульбадам!

— Да сбудутся ваши слова, Равшан-ака! Пусть же сгинут враги, да сбудутся ваши желания.

— Спасибо, Гульбадам. Но мне пора, любимая.

— До свидания, Равшан-ака, да храни вас бог!

Равшан вышел. Тревожный лунный свет залил улицы. Стук колотушек ночных сторожей, голоса глашатаев...

Равшан направился к Самаркандским воротам. Не успел дойти до зиндана, опять послышался голос глашатая.

Равшан остановился.

— Эй вы, люди города, не оставайтесь в неведении, слушайте. Вчера, поздно вечером, из гарема эмира, нашего повелителя, исчезли четыре женщины. Знающие и видевшие их пусть немедленно сообщат в Урду. За это получают щедрое вознаграждение. На того, кто осмелится взять этих преступниц под свою защиту, падет суровый гнев самого эми-и-ра! Эй вы, люди, не оставайтесь в неведении, слушайте. Вчера, поздно вечером...

Голос глашатая удалялся... Равшан присел на одну из каменных ступенек, ведущих в зиндан, облегченно вздохнул.

Однако пора в путь. Не очень-то подходящее место нашел он для размышлений. Пора. Надо как можно быстрее покинуть «благословенную» Бухару.

Грозные, высокие стены, окружавшие город, остались позади.

Равшан шел, то и дело оглядываясь назад. В ушах у него звучал то голос человека в парчовом халате, зачитывающего высочайший указ, то голос глашатая, то пронзительный крик убитого горем мальчика.

Скорее, скорее!.. Подальше от Бухары, от соглядатасв эмира.

Бегство четырех невольниц повлекло за собой грозные последствия, особенно для жителей Халача. Закирбай с плачем и стоном валялся в ногах своего покровителя — Бузрукходжи, клялся в невинности. Это все козни злоумышленников! Пронски вольнодумцев и подстрекателей. Число подозрительных людей в кишлаке угрожающе растет. Надо устроить повальные обыски, облавы.

В полдень в сопровождении пятнадцати сарбазов Закирбай начал сам тщательно обыскивать каждый дом. Его растерянность и бессильная злоба бросились людям в глаза. И хотя было не до веселья, дехкане усмехались в бороду.

Закирбай перевернул весь кишлак, но ничего подозрительного не обнаружил. Еще больше озлился.

— Пусть двое пойдут со мной,— приказал он,— остальные отдыхайте.

И он повел сарбазов...

Хадикул сидел у ворот. Слез уже не было. Рахман-тога он отвечал лишь кивком головы. Порой вздрагивал. Со стороны казалось, что в этот миг ему кто-то причинял боль. На Закирбая Хадикул не обратил ни малейшего внимания. Он просто не видел его.

Закирбай растерялся. Он сейчас, может, впервые в жизни, походил на нищего. Пришел и стоит, словно в ожидании подаяния. Даже кашлянул разок-другой.

Хадикул не шевельнулся. В который раз он вспоминает тот страшный день. Голос дочери по-прежнему звучал в ушах... О боже! Хадикул обхватил голову руками.

Бай наконец решился.

— Куда спрятал свою дочь?

Хадикул вздрогнул. Только сейчас он заметил Закирбая. Но в глазах Хадикула не было страха. Его глаза вспыхнули ненавистью, гневом. Он поднялся и стремительно шагнул к Закирбаю. Бай попятился. Рахман-тога удержал друга за рукав.

— Не надо, Хадикул!

Сам не зная почему, бай обрушил гнев на Рахман-тога.

— С вами будет особый разговор!

Рахман-тога спокойно сложил руки на груди. Вероятно, его невозмутимость привела Закирбая в бешенство, и он схватил Рахман-тога за горло.

— Или ты мне разыщешь своего бунтовщика-сына и Гульбадам, или я сгною твои кости в зиндане.

— Побойтесь бога, Закирбай,— отвечал Рахман-тога, отводя в сторону цепкие пальцы бая.— Я ничего не знаю... Ничего.

— Не знаешь?

Закирбай изо всех сил ударил в грудь Рахман-тога. Тот упал. Поднялся. Разъяренный Закирбай вновь сва-

лил его и, вцепившись короткими пальцами в горло, стал душить.

— Скажешь или нет, шелудивый пес?! Иначе распростишься с жизнью!

Рахман-тога хрипел, задыхался, а пальцы Закирбая все безжалостней сдавливали его горло.

Подбежал Хадикул, но Закирбай изловчился ударить его ногой в живот.

— Не подходи! Убью!

Рахман-тога совсем обессилел. Но в это время на Закирбая бросился Равшан. Откуда только он взялся?! Да еще с Бури-Дивом!

Теперь уже Закирбай хрипел, извивался, стараясь вырваться из молодых, крепких рук.

Равшан заметил: одного из сарбазов свалил Бури-Див, другого — Хадикул.

— Бей их!— крикнул юноша и, схватив Закирбая за ворот, ударил затылком о дерево. О то самое, около которого совсем недавно упал отец.

Закирбай уже не сопротивлялся.

Равшан оставил его, брезгливо морщась, стал отмыывать руки в арыке. Но тут ворвались сарбазы, схватили его, связали арканом. Закирбай, весь в крови, задыхающийся, с трудом поднялся с земли и, покачиваясь, подошел к Равшану.

— Бросили тебя твои р-р-революционеры, а?— Круглую морду бая перекосило от злобы.— Теперь за все ответишь, собачье отродье, бунтовщик! Вор! Ведь это ты украл девушку из гарема эмира.

Равшан с ненавистью смотрел на аксакала. Куда же девались Бури-Див и Хадикул? Неужели испугались?.. Ну, конечно, ведь сарбазы вооружены до зубов. Может, это даже к лучшему, что они скрылись. Что толку, если бы всех троих схватили?

Рахман-тога умоляюще сложил на груди руки.

— Отпустите сына, Закирбай-ака! Он не виноват. Он вступился за родного отца. Я во всем виноват. Простите меня!

— Не надо, отец!— Равшан гордо выпрямился.— Не унижайтесь. Он за все ответит. За все...

Бай сделал знак, и сарбаз заткнул рот Равшану по-ясным платком.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мелкий дождь перешел в ливень. Слякоть. В такое время узкие пыльные улочки Бухары становятся непролазными. Грязи по колено. Город как бы вымирает. Прохожих почти не видать. Даже в медресе и мечетях безлюдно.

Лишь дехкане из степных кишлаков, прибывшие с товаром, терпеливо сидят на базарной площади, кутаясь в старенькие халаты.

Тихо и на базаре. Очень тихо.

Бури-Див остановился, с удивлением рассматривая странного человека, который, съезжившись, разговаривал сам с собой. Ой-бо! Да ведь это...

— Хадикул-ака!— воскликнул дехканин и бросился к земляку.— Хадикул-ака! Эй, Хадикул-ака! Не узнаете?

Хадикул уставился на Бури-Дива округлившимися глазами, в которых застыл ужас, и вдруг, закрыв лицо дрожащими руками, забормотал:

— Нет, нет, я не виновен! Не трогайте меня, не бейте! Бай-ака, смотрите, мне и без того содрали на спине кожу... Хотите мяса? Да? Нет! Нет! Мясо я сам съем... Иди сюда, спрячься. И тебя убьют. Вон, вон, идут сарбазы! Какой бестолковый ты, иди сюда, говорю тебе!

Бури-Див застонал:

— О судьба, что же ты делаешь с людьми?!

Великан хотел присесть рядом, успокоить безумца, но Хадикул вновь забормотал:

— Нет, нет! Не трогайте меня, не убивайте! О, голова моя! Пощадите!

Он вскочил и, шлепая босыми ногами по грязи, скрылся в соседней улочке. Бури-Див, потрясенный, стоял как столб.

— Бедняга,— вздохнул незнакомый дехканин, наблюдавший всю эту тягостную картину.— Не родня ли он вам?

— Земляк! Потерял жену, дочь. И вот...

Дехканин покачал головой.

— Пути господни неисповедимы, сынок. Остается только покориться судьбе, другого выхода нет.

— Эх, отец, отец, покоряясь во всем судьбе, мы и дошли до последней крайности. Не так ли? Скотине и той

легче живется. Вот хотя бы вы... Седобородый, почтенный человек, а вынуждены в этакую непогоду скитаться по раскисшим дорогам. Вам надо продать вязанку дров; чтобы еле-еле накормить семью. Справедлива такая жизнь, а?

Старик вздохнул, однако продолжал стоять на своем: — Что делать? От судьбы не уйдешь. Надо терпеть. Однако заговорился я, старый. Надо в кишлак возвращаться. Дождь покупателей разогнал.

Дехканин взвалил на спину вязанку дров и, согнувшись, медленно побрел по грязи.

Бури-Див ощутил боль в сердце. Вот так, согнувшись, живет весь народ! Безропотно ссылаясь на судьбу... Эх, перевернуть бы весь эмират! Но что могут сделать два этих кулака, пусть крепких, больших? Один человек, потеряв рассудок, убежал прочь. Другой, согнувшись под вязанкой дров, ушел, молча покоровшись своей горькой доле. Кулаки бессильны. Нечего их сжимать... А если покарать хотя бы нескольких сановников, сарбазов?

И Бури-Див зашагал к Арку. У мрачных ворот стоял, посмотрел.

Нет, не получится. Надо искать другие пути, чтобы помочь людям.

Крытый коридор у входа в Арк погрузился в крошечную тьму. Изредка раздается глухой стук шагов. Это проходит стража и замирает на своих постах. Гнетущую тишину нарушают лишь стоны заключенных.

Уже два дня Равшан томится в обхане — заплесневелом от сырости каменном мешке. В могиле, наверное, и то лучше. Темень, сырость, полчища клопов. На земляном полу хлюпает вода.

Равшан сидит в углу на изодранной старой циновке, прислонившись к стене.

— Мы еще рассчитаемся с вами, собаки! — шепчет Равшан. — С тобой, Закирбай, с тобой, Бузрукходжа. С тобой, проклятый эмир! — Узник хотел встать, забыв, что прикован цепями к стене. — Ничего! Все равно рассчитаемся. Что с того, что вы морите меня голодом? За все ответите.

Затем он стал думать о Гульбадам. Где теперь она?

По-прежнему скрывается в доме Абдурахмана, или?.. Чем заняты Абдурахман, Зайниддин, отважные, сильные люди? Вот такими, как они, и нужно быть в жизни, в борьбе! Абдурахман сумеет постоять за себя и за людей, за их свободу... Свобода!

Послышался чей-то голос:

— Выводи!

— Сейчас, таксыр! Зайниддин, выходи.

— Зайниддин! Зайниддин! — прошептал Равшан. — Неужели схватили этого льва? Нет, нет, не может быть!

Равшан прислушался. Но, кроме тревожного стука своего сердца, ничего не услышал.

Он мысленно видел Зайниддина, его задумчивые, печальные глаза. Как тогда сказал Зайниддин? «Крепитесь, трудности еще впереди. Готовьтесь к решающей схватке!»

Равшан снова прислонился к стене. Закрыв глаза.

В Бухаре было беспокойно. Люди почти открыто высказывались против существующих порядков. Все чаще вспыхивало недовольство дехкан и ремесленников. Эмират напоминал беспомощное судно, захваченное штормом, которое как скорлупку швыряют могучие волны. Кто знал, что случится завтра? Куда вышвырнет эту скорлупу? Хуже всего — неизвестность. Сановники дрожали, лихорадочно прикидывая, как улучшить подходящий момент и постараться спасти свою жизнь.

Единственный путь к наведению порядка эмир Алимхан видел в уничтожении всех революционных сил. Только это! Однако на каждую жестокость теперь народ отвечал новым недовольством, открытым неповиновением.

Пришлось пойти на хитрость. Было решено издать фирманы о реформах. Нужно же чем-нибудь успокоить народ. Реформы — праздник. Пусть люди выходят на демонстрации. Конечно, революционеры появятся тоже. Вот тогда-то их и можно будет спокойно взять!

Весной 1918 года эмир издал фирман о реформе. В тот же день в нескольких местах прошли собрания революционно настроенной молодежи. На них обсуждался вопрос о проведении демонстрации протеста. Зайниддин высмеял реформу и, разумеется, высказался против демонстраций.

— Эмир со своими приспешниками только и ждет, чтобы мы вышли на улицу. Ему так хочется схватить бунтовщиков!

Многие поддержали Зайниддина. Но нашлись и другие. Они продолжали доказывать, что демонстрация сплачивает людей, выражает их волю...

Собрание не пришло к определенному решению.

В субботу рано утром Зайниддин направил одного паренька к магазину «Баракат». Там собирались манифестанты. Если демонстрация все же начнется, паренек должен был немедленно оповестить об этом Зайниддина. Тогда оставаться в Бухаре — значит наверняка угодить в руки эмирских сарбазов.

Зайниддин не выходил из своей худжры, ожидая вестей. Но в начале одиннадцатого со стороны медресе Кукельдаш донеслись истошные крики. Зайниддин выглянул на улицу. Да, так и есть. Толпа мракобесов во главе с муллами...

— Во имя шариага!..

— Во славу эмира!..

Немного погодя раздался стук в калитку. Вернулся посланный Зайниддином паренек. Он был бледен, в растерзанной одежде.

— Демонстрация началась... Ой-бо!... Люди эмира встретили наших дубинками. Многих забили насмерть. Меня стиснули в толпе, и я не мог вовремя предупредить вас. Всех разогнали! А некоторых схватили сарбазы.

— Немедленно разыщи Абдурахмана, скажи, пусть выводит всех наших из города,— приказал Зайниддин и глухо добавил:— Доигралась! Ведь говорил... Иди, парень, не мешкай.

— Хорошо, муаллим. Берегите себя. Словно бешеные собаки снуют муллы. Кричат о священной войне.

— Постараюсь. Не мешкай же, торопись.

Зайниддин всю ночь просидел в худжре. Выйти он уже не мог. Надеялся на чудо, а вдруг пронесет? Но чуда не произошло. Утром послышался топот десятков ног. У худжры собрались фанатики, мракобесы. Раздалась крики:

— Открывай!

— Здесь он?

— Да, здесь... Главный бунтовщик!

— А может быть, его уже нет? Может, сбежал?

В соседней худжре жил слушатель медресе, некто Ходжи. Он обращался с Зайниддином как с самым близким человеком, чуть ли не с родственником. И вдруг этот «родственничек» вышел и объявил:

— Человек, которого вы ищете, закрылся в своей худжре. В прошлую ночь здесь собирались бунтовщики. Были и большевики из Самарканда. Берите главаря!

Затрещала под ударами ветхая дверь. Зайниддин метнулся к окну, прыгнул вниз. Но и здесь его караулили. Схватили, швырнули наземь. Толпа мулл и байских сынков набросилась с ожесточением...

На помощь Зайниддину бросился было Бурн-Див. Но и этот великан был бессилен что-либо поделать.

Зайниддина швырнули в щегольский фаэтон. Брызги крови попали на парчовый халат сановника. Тот расвирепел.

— Ты еще осмелился испачкать мне халат! — завопил он и, тяжело дыша, обрушил новые удары.

Полумертвого Зайниддина доставили в Арк и бросили в одну из камер.

Вскоре привели еще двух соратников Зайниддина, затем — окровавленного парня...

До вечера еще около сотни людей были брошены в обханы и зиндан.

...Тюремщик окликнул Зайниддина:

— Вставай.

Узника, освободив от цепей, прикрепленных к стене, заковали в кандалы и поволокли к воротам Арка. Здесь уже выстроились стражники эмира. Кушбеги в парчовом халате, увидев Зайниддина, спросил:

— Это тот самый бунтовщик, который мучил народ?

— Да, тот самый, главарь безбожников.

Кушбеги бросил взгляд на список и кивнул тюремщику. Зайниддина затащили на помост, повалили, обнажили спину. Два палача попеременно стали бить по спине палками...

Стиснув зубы, Зайниддин молчал. Он не спускал сверкающих глаз с кушбеги, тот не выдержал, отвернулся. Зайниддин порой терял сознание. Но, придя в себя, вновь и вновь смотрел на кушбеги.

Наконец Зайниддин впал в глубокий обморок. Его поволокли за ноги и швырнули в зиндан.

Со стороны Регистана раздались вопли:

— Во имя шариата!

Тюремщики выводили из камер новых и новых узников. На третий день заключения Равшан услышал то-ропливый голос Бузрукходжи:

— Помилуйте, мой эмир, я виноват... мы с некоторым опозданием захватили богоотступников, мутивших народ. Мой эмир, помилуйте меня... О мой эмир!

— Встань. Нечего ползать на коленях. Последователи большевиков, орудующие в священном городе Бухаре, появились и в кишлаках. Это ли не свидетельство твоей бездарности? Даю тебе еще одну возможность доказать свою верность. Каждый схваченный бунтовщик публично раскается. Понятно! Это нужно!

Бузрукходжа издал радостный возглас, но эмир снова спросил его:

— Задержан ли бунтовщик по имени Равшан, который учинил смуту и в пригородном кишлаке?

— Мой таксыр, он здесь, — Бузрукходжа кивнул на обхану.

— Пусть сгниют его кости. Арестуйте всех его друзей.

— Приказание великого эмира будет исполнено.

Послышались звуки удаляющихся шагов. Некоторое время спустя прозвучала команда:

— Выводите!

Дверь открылась с натужным скрипом. Равшана схватили, выволокли в крытый коридор. По бокам встали два тюремщика, и все двинулось к воротам Арка.

Регистан заполнен народом. При виде устремленных на него глаз Равшана охватила дрожь. В толпе вдруг послышались возгласы: «Освободите невинного!», «За что терзаете юношу?» Но сарбазы, словно сорвавшись с цепи, бросились на крик, и все утихло.

Старший тюремщик повернулся лицом к открытой двери над воротами Арка — оттуда наблюдал эмир — и отвесил глубокий поклон. Затем он зачитал высочайший указ о том, что сегодня заключенный будет подвергнут наказанию — семидесяти пяти ударам плетью.

В ответ в толпе снова послышались гневные голоса.

Равшан держался внешне спокойно. Двое тюремщиков скрутили ему руки, третий сорвал с него рубаху. Появился палач с огромными усами. Засучил рукава, для пробы хлестнул в воздухе тяжелой ременной плетью.

Потом внимательно осмотрел плеть толщиной в руку. И снова хлестнул, покрутив над головой. Он обстоятельно готовился к своей работе...

Регистан замер, в страхе затаил дыхание. Только где-то вздохнули:

— Еще совсем мальчик.

— Выдержит ли?

— Бедные родители!

Слова сочувствия донеслись до Равшана, и они ободрили его. Им овладела какая-то необычная смелость. Люди рядом. Люди с ним. Значит, нужно держаться твердо.

Он с ненавистью посмотрел на тюремщиков. Ему показалось, что у одного из них дрожат колени.

Юноша закрыл глаза. Палач издал горлом шумное «хак!» и хлестнул плетью... Наверное, большинство присутствующих на Регистане отвернулись.

После десяти ударов по лицу палача покатались капли пота... Каждый удар полосовал тело Равшана. разбрызгивая кровь. Но он молчал, словно окаменев.

Двадцать пять... тридцать... тридцать пять... сорок... сорок пять... Равшан начал герять сознание. Напрягая последние силы, он широко открыл глаза, взглянул во круг... И люди закружились, потонули в тумане... Он силлся открыть глаза шире и вдруг провалился во мглу. Уже не слышал, как тюремщик надрываясь объявлял счет:

— Семьдесят три, семьдесят четыре, семьдесят пять!

Палач отошел в сторону, стал утирать с лица, с шеи пот, а старший тюремщик, тот, что зачитал высочайший указ, теперь обратился к толпе, призывая помолиться и пожелать великому эмиру долгих лет жизни и счастья.

Равшана поволокли за ноги в обхану. Снова раздался голос старшего тюремщика:

— Каждый, кто осмелится сбивать с пути подданных владыки правоверных, красть девушек из его гарема. Будет предан такому позору.

Люди расходились, низко опустив головы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Обстановка в городе накалялась. Каждого подозреваемого в связи с большевиками хватали и жестоко наказывали. Однако недовольство росло. Своей жестокостью эмир лишь подливал масла в огонь.

Абдурахман знал, чего мог стоить один опрометчивый шаг. Друзьям он советовал как можно реже показываться в городе. А сам, как говорится, ходил по лезвию ножа.

Вот и сегодня предстояла поездка. Вчера он встретил у ворот Хандан-буви. Несмотря на поздний час, она ждала его.

— Что случилось, бабушка?

— Все в порядке, сынок, все в порядке. Надоело сидеть, вот и вышла встретить тебя, — сказала Хандан-буви, стараясь скрыть волнение. В комнате она подала внуку касу машинчирри — машевой кашни. Сама присела рядом и, задумавшись, смотрела в окно.

Абдурахман редко видел бабушку в таком состоянии. Не иначе в доме произошло что-то серьезное. За веселый нрав в махалле все ее звали Хандан-буви.¹

Абдурахман ел неохотно и наконец отодвинул касу.

— Что случилось, бабушка?

Хандан-буви задумчиво теребила кисточки дастархана, разостланного на сандале.

— Сынок, Гульбадам почти ничего не ест, целыми днями плачет. По ночам мечется, стонет. Я несколько раз пыталась расспросить ее, но она молчит. Или отвечает: «Просто так, нездоровится». Вчера я усадила ее рядом с собой и сказала: «Ну, говори откровенно, иначе не буду называть тебя дочкой». Гульбадам, бедняжка, расплакалась. Я погладила ее по голове, поцеловала, утешила, как могла. Но она не успокаивается. «Почему отец не идет? Или случилось что-нибудь с ним, не скрывайте от меня, бабушка». Потом бросилась ко мне на шею. Слезы подступили к горлу. Я еле сдержалась.

— Вы бы сказали, бабушка, что за ее отцом следят. Нельзя им встречаться пока. Нельзя.

— Э, чего только я не говорила! Истосковалась она,

¹ Х а н д а н — смех.

сын. Сходил бы ты к нему, справился. Если жив, пусть бы навестил дочь. И еще бедняжка все время плачет: «Нет известий и от Равшана-ака». Я спросила ее: «Кто такой Равшан-ака, доченька?» Опустила глаза, прошептала: «Родственник».

Абдурахман подвинулся к бабушке, положил руку на ее сухонькое плечо.

— Пожалуйста, скажите Гульбадам, что завтра на рассвете я пойду в Халач, все разужаю. Успокойте девушку. Отдохните и сами, ладно?..

На другой день Абдурахман добрался до кишлака. Солнце уже взошло, поля нежилась под его лучами. Убогие дома, окруженные развалившимися низенькими дувалами, напоминали древние надгробия. Тучи мух кружились над свалками. Гнетущая картина.

Абдурахман направился к дому Гульбадам. Где дом? Нет его! Вместо дома — груда мусора. Снесли!

Абдурахман остановился у соседних ворот.

— Рахман-тога! Эй, Рахман-тога!

— Сейчас... — донесся из глубины двора глуховатый, немощный голос. Рахман-тога, открыв ворота, увидел Абдурахмана, и на глаза его навернулись слезы.

— Пожалуйста, сынок, проходите. Как вы живете? Есть вести от Равшанджана? Как поживает Гульбадам?

Сколько вопросов! Как на них ответить? Что сказать? Абдурахман почувствовал невероятную тяжесть на сердце. Он даже не представлял, какой тяжелой будет эта встреча. Приближаясь к супе, Абдурахман вздрогнул, услышав вопли:

— Отпустите меня, палачи! Я — эмир, я повелитель, слышите?

Рахман-тога покачал головой.

— Бедному Хадикулу совсем плохо. Дочь отняли. И дом. До балки, до маленькой дощечки унесли... Мы с Бури-Дивом привезли Хадикула из города. Вот он все время так и кричит. Нужно же... Беда за бедой. Ведь уже несколько дней, как он ослеп после избиений.

Абдурахман молчал, крепко стиснув ладонями виски. Наконец поднялся. Нужно идти... Идти в ту каморку, откуда доносился голос безумного Хадикула.

Хадикул сидел в углу на растрепанной курпаче.

Услышав шаги, он встал и ошупью двинулся навстречу.

— Нет! Не пушу! Здесь идет большой пир, бестолковые! Если вздумаете шутить с эмиром, сниму голову и вышвырну, как зеленую дыню. Уходи! Не приближайся!

Дрожащие руки Хадикула шарили в воздухе, будто кого-то искали.

Рахман-тога медленно, раздельно сказал:

— Хадикул, слышите? Приехал Абдурахман. Абдурахман приехал. Успокойтесь, Хадикул!

Но тот продолжал кричать:

— Как ты посмел войти к эмиру?! Вон отсюда!

Вышли, молча сели на айван. Как постарел Рахман-тога! Глаза покраснели, слезятся, голова, борода, даже густые брови совершенно побелели, глубокие морщины избороздили лицо... Худые плечи выпирают из-под старой рубахи.

Рахман-тога налил остывшего чаю в пиалу и подал гостю. Перехватив его взгляд, сказал:

— Оказывается, жизнь, прожитая в страданиях, может сломить и слона, сынок. Столько несчастий постигло кишлак. Не выдержали мы. Вот... жена моя... Мать Равшана... Сколько горя она перенесла! Бедняжка работала день и ночь. Пряла,гнула спину в поле, собирала хворост. И не выдержала...— Рахман-тога поник. Провел платком по глазам. Надломленным голосом продолжал:— Остался только сын. Закирбай, будь он проклят, лишил меня клочка земли, заставлял пойти к Бузрукходже, мол, все в его руках... Бог с ним, хотя бы освободил Равшана.

— Как же, Рахман-тога? Ведь Равшана в зиндан отправил сам Закирбай!

— В отчаянии человек теряет рассудок, сынок. Закирбай вручил мне несколько золотых монет, заставил приложить палец к клочку бумаги. А затем сказал: «Идите к Бузрукходже, скажите, что вас направил Закирбай, положите перед ним золото и откровенно расскажите о своем горе, даст бог, вы и вернетесь вместе с Равшаном...» Так сказал Закирбай. А когда я вернулся, он уже землю захватил. Бумагу-то я пальцем припечатал!... Нет сил, сынок, пребывать тут в скудости и одиночестве. Оставить Хадикула жалко. Живем кое-как.

Увидеть бы Равшана!.. Когда бедный Хадикул хотел выдать Гульбадам за Равшана, я сказал, что нет у нас и горсти зерна, чтобы устроить свадьбу, попросил подождать. Зачем было ждать? Чего было нам ждать? Слышно ли что-нибудь о светлых днях, сынок?

— Эх, Рахман-тога, не у вас одного, у всех дехкан тяжелая жизнь. Терпели долго, осталось немного. Наши самаркандские братья помогут. Революционеры уже дошли до Кагана. Осталось полтора таша¹. Вот эмир и бесится. Потерпите, Рахман-тога. За Гульбадам не беспокойтесь. О Равшане мы справляемся. Надеюсь, скоро освободим его.

— Нет, сынок, этот Закирбай, будь он проклят, кажется, узнал, что Гульбадам скрывается в городе. Недавно он приходил ко мне, выматывал душу. «Если знаешь, немедленно скажи».— И обещал:— «Тут же освобожу твоего Равшана». Так говорил он мне. Но ничего не добился, тогда пригрозил: «Переверну вверх дном всю Бухару, но найду ее. Будешь плакать о сыне, да поздно». Вот что сказал. И ушел.

— Наверное, припугнул только...

— Нет, сынок. Верьте мне, я уж вижу, он что-то замышляет...

Абдурахман вытащил деньги, засунул под курпачу. Пытался это сделать незаметно, но Рахман-тога увидел.

— Не надо, сынок. Я обижусь, мне известно ваше положение. Не надо...

— Рахман-тога, — твердо сказал Абдурахман, — нас много, найдем выход. — Он обнял старика. — Не отчаивайтесь.

— Счастливого вам пути, сынок. Будьте для наших детей старшим братом, спасите их.

— Хорошо, Рахман-тога.

— Да возблагодарит вас бог, пусть земля, которую вы берете в свои руки, превращается в золото, пусть сбудутся все ваши желания, сынок... Наша опора — вы...

Рахман-тога вновь поднес платок к слезящимся глазам.

¹ Т а ш — около 7—8 километров.

Гульбадам никогда не забудет тот первый день заточения, который провела в конюшне Закирбая. С наступлением сумерек пришла незнакомая старуха. Она заплела Гульбадам мелкие косички, подвела глаза сурьмой, нарядила в дорожные одежды. Потом позвала Бузрукходжу.

Тот удовлетворенно поцокал языком. Да, эта красавица произведет впечатление на эмира. Бузрукходжа на мгновение закрыл глаза, улыбнулся, словно услышал звон золотых монет. Открыл кошелек и бросил перед старушкой горсть серебра и меди.

— Будьте щедры, мой хозяин. Я ведь готова позаботиться и о красавице из Шафиркана. Откройте пошире ваш кошель.

— Ну и ну, старуха, об этом тоже узнала? Вот ты какая! От тебя не скроешь! Сквозь заборы, что ли, видишь? Ладно уж, старуха, бери...

— Будьте спокойны, мой хозяин, даром, что ли, поседела мои волосы, хи-хи-хи...

Арба с Гульбадам еще до рассвета миновала Галаджуй и наконец остановилась у Самаркандских ворот. После тщательной проверки, учиненной стражниками, одна створка ворот со скрипом отворилась. Гульбадам очутилась в Бухаре... На другой день в покое, где обычно преподносили дары высшему повелителю, Гульбадам наказывали, как она должна вести себя.

Все происходило будто во сне.

— Когда войдешь к эмиру, не забудь отвесить земной поклон, деревенщина! — учили ее женщины.

Гульбадам вдруг бросилась к ним в ноги, с горькими слезами стала умолять:

— Отпустите меня. Я пойду к отцу, дорожные матушки мои!

Одна из женщин толкнула Гульбадам носком.

— Встань, глупая, если не замолчишь, дубинкой приведут в себя...

И лакированные ичиги удалились.

У Гульбадам горело все тело, словно ее жгли горячими угольями, голова кружилась. В глазах потемнело.

— Равшан!..

Она увидела вновь... Как он схватил сарбаза!

— Равшан!

И девушка, ослабев, упала на парчовую курпачу.

Но стоило ей прийти в себя, как снова перед глазами — Равшан. Он осторожно взял из рук Гульбадам розу...

— Равшан!

Девушка бросилась к двери. Заперто! Накрепко.

Она отпрянула, в изнеможении опустилась на курпачу.

Снова Равшан. Его голос:

«Гульбадам, Закирбаям скоро придет конец. Будет дехканин хозяином на своей земле».

Гульбадам поднялась, подошла к окну. Мысленно ответила: «Я пойду за вами, Равшан-ака! Я буду с вами».

Постепенно сгущались сумерки. Кто-то снял дверную цепочку. Гульбадам резко повернулась. У нее уже не было страха. Она решила бороться.

Но в комнату вошла рабыня лет шестнадцати-семнадцати. Гульбадам успокоилась. Прислужница зажгла лампу, скрылась. Вскоре появилась миловидная, но не молодая женщина. Гульбадам молча следила за ней. Женщина подошла к свету и стала рассматривать себя в зеркало. Достав флакончик для сурьмы, она вытащила карандаш и, слегка прикрыв глаза, осторожно подвела их. Затем, поправляя золотое ожерелье на шее, обратилась к девушке:

— Подойди ко мне, Гульбадам, не бойся. Я знаю, о чем ты думаешь. Ну, подойди-ка поближе, доченька.

Гульбадам неохотно приблизилась, взглянула на нее исподлобья.

— Запомни, что скажу.

Гульбадам, не скрывая ненависти, воскликнула:

— Нет! Нет! Пусть меня лучше разорвут на части, но не заставят идти к вашему эмиру. Я ненавижу его... Ведьма! Уйди с моих глаз, сводня!

— Тише! Слушай, что скажу, неразумная! Радуйся!.. Абдурахман в это дело вмешался. Есть такой человек. Знать его не хочу, но с ними мой сын... И я обязана тебе помочь... Ну, ладно. Может быть, за это аллах простит мне все грехи. Может, помилует.

Гульбадам, ничего не понимая, во все глаза смотрела на женщину, которая придвинулась поближе и шепотом втолковывала:

— Поздно вечером придут к тебе две служанки, скажут: «Идемте в баню». Не говоря ни слова, иди за ними. Когда они захотят повести тебя налево, ты повернешь направо, войдешь в крытый проход. Невольницы попытаются тебя остановить. Иди, не обращая на них внимания. Не бойся. Если покажется кто-нибудь, они лишь для виду будут тебя окликать. Держись смело. У больших ворот я буду ждать...— Женщина встала и уже у двери шутливо добавила:

— Если благополучно выберешься отсюда, даст бог, сама возьму тебя в невестки. Уж больно хороша!

Гульбадам тяжело дышала. Что все это значит? Откуда появилась женщина? Ее слова принесли радость. Но можно ли им верить? Не окажется ли все очередной западней? Но ведь хуже быть не может. Пусть! Какая-то сила звала к смелым поступкам. Пусть. Она должна вырваться к Равшану, к отцу... Каждый шорох заставлял Гульбадам бросаться к окну.

Как сдержать бешеное биение сердца? Оно словно рвется на простор, на волю...

Девушка распахнула окно.

— Гульбадам, немедленно закрой! — раздался за спиной женский голос. — Две служанки взяли ее под руки. — Испугалась?

Голоса добрые... Но сколько за последнее время обманывали Гульбадам! Она машинально пошла за ними. Во дворе еле слышно прошептала:

— Нет, нет, мне сюда!

И пошла направо. Невольницы последовали за ней. Когда раздавались далекие шаги, они говорили:

— Ну, хватит, Гульбадам, не упрямясь!

Однако покорно следовали за девушкой.

Вот и крытый коридор Арка. Нет сил идти... Гульбадам невольно остановилась.

— Не бойтесь, Гульбадам, идите смело. Аимхан-ая хочет освободить нас. Благодаря вам уходим и мы, — прошептала одна из невольниц.

Девушки дошли до середины коридора и вдруг замерли, услышав окрик:

— Кто там? Стой!

— Ох, эти ваши шутки! Перепугали насмерть моих девушек!

Недовольный голос продолжал:

— Нет! Не шутки! Аимхан-ая, что вы? Хотите погубить меня?

— Не бойтесь...

Аимхан-ая, звеня кошельком, вручила его стражнику. Тот поднес кошелек к свету фонаря, показал своему напарнику.

— Чистого золота монеты. Разве обманет нас Аимхан-ая?

Кошелек моментально исчез за голенищем, и стражник отступил в сторону.

Аимхан-ая жестом подозвала Гульбадам, прошептала:

— Там, дальше, еще один караульный. Но ты держись. Выйдешь сразу, как я скажу. Поняла? На, возьми вот это. Быстренько надень. Ночью в парандже ходить нельзя. Вот тебе мужская одежда.

Гульбадам быстро сложила паранджу, передала Аимхан-ая и замерла в ожидании указаний.

Аимхан-ая приказала ей постоять, а сама на цыпочках приблизилась к воротам.

Гульбадам и невольницы стояли не дыша. Прежней уверенности в спасении уже не было. Этот крытый коридор своим могильным мраком быстро рассеивал все надежды. Разве можно вырваться отсюда!

Вначале Аимхан-ая говорила шепотом. Стражник отвечал тоже приглушенно. Но вот раздраженные отрывистые слова донеслись до девушек:

— Сказал же я вам, Аимча, нет. Чего вы еще хотите?

Сжались девушки. Теперь не вырваться! И вдруг:

— Помогите!

Это крикнула Аимхан.

Сарбазы бросились к воротам. Но из маленькой калитки наперерез метнулись три тени и набросились на сарбазов. Перепуганные девушки прижались к стене. Что происходит? Кто эти незнакомцы? Чем кончится схватка? Ничего не видно в проклятой темноте. Только крики, лязг металла.

Страшна неизвестность. А со стороны Урды раздался голос:

— Нарзи, иди отдыхай, я пришел!

Нужно же, смена караула.

— Нарзи!

Крик настойчивей, громче.

— Я здесь.

Знакомый голос... Может, это Равшан?

Пришедший на смену сарбаз остановился. Настороженно прислушивается. Он не может понять, в чем дело. Гульбадам увидела, как тень бросилась навстречу сарбазу. Кто это? И что может сделать один?

В крытом коридоре даже осторожные шаги раздаются гулко. А сейчас идет бой. Звенит металл. Это взбудоражит дворец...

Спокойный голос Аимхан-ая:

— Как выйдешь из ворот, поверни влево. Иди прямо к маленькой мечети. У Навбазара. Постучись в третью калитку. Поняла? В третьи ворота. Высокий дом из жженого кирпича. Когда откроют, скажи: «Я пришла к Хандан-буви». Все будет в порядке. Ну, иди. Быстрее, быстрее...

Гульбадам жалостливо и благодарно смотрит на нее. Аимхан-ая поняла этот взгляд по своему:

— Ладно... Иди и жди меня у этой мечети.

Невольницы выскочили первыми и торопливо разошлись в разные стороны.

За ними — трое незнакомцев, одетых в одежду сарбазов. Растворились во тьме. А в крытом коридоре остались лишь недвижные тела стражников.

Тихо в городе... Луна плывет над ним, спящим, усталым. В бледном свете особенно красивы маки, склонившиеся на крышах. Как щедро луна заливает светом крыши Бухары с их весенними цветами.

Гульбадам не видела этой красоты. Она бежала. Наконец-то показались торговые ряды в конце улицы. Теперь можно повернуть.

Гульбадам подошла к супе мечети, присела и облегченно вздохнула. Казалось, что беды навсегда остались позади. Сердце продолжало бешено стучать. Но теперь нет радости, от ожидания чего-то необычного.

Подошла Аимхан-ая.

— Вон там, напротив. Видишь?

Кивнув, девушка направилась к третьим воротам.

Потемневший от времени кирпичный забор. Постучала. Послышался женский голос:

— Кто там?

— Мне нужна Хандан-буви.

Звякнула цепочка.

— Пожалуйста, доченька, не стесняйся, проходи. Чувствуй себя как дома!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Добрая Хандан-буви была постоянно с Гульбадам. Как могла утешала девушку, даже, словно ребенку, рассказывала ей сказки, пыталась отвлечь от невеселых мыслей. И все равно Гульбадам места себе не находила — все время думала об отце, о Равшане. Где-то сейчас они, что с ними!

То она часами сидела, словно придавленная тяжкими мыслями, то вдруг ее охватывала жажда деятельности — начинала хлопотать по хозяйству, подметать, поливать двор. И тогда Хандан-буви понимающе вздыхала. Бедняжка хочет забыться...

И сегодня Гульбадам молча хлопотала в доме: прибралась, поставила кумган, развела огонь. Когда все сели за дастархан, словно невзначай, подошла к воротам и осторожно выглянула на улицу.

Кругом тишина... Гнетущая тишина.

В полдень она услышала голос Абдурахмана:

— Бабушка, скажите Гульбадам, пусть переоденется и выйдет.

Затаив дыхание, девушка ожидала Хандан-буви. Может, только послышалось?

— Сейчас, сынок.

Хандан-буви шла к ней. А вслед, с мужской половиной дома, вновь голос Абдурахмана:

— Рахман-тога передал ей привет. Сказал: «Когда настанет час, непременно приду».

Для Гульбадам это был голос самого отца. Она не выдержала, подошла к двери:

— Жив-здоров ли папа? Вы его видели?

— Да. Жив.

— Спасибо, Абдурахман-ака. А как... Как Равшан? Что с ним?

Ответ Абдурахмана ошеломил ее.

— Да, кстати, передайте Равшану, что завтра я уезжаю в Самарканд. Обязательно передайте. Это — за-

встное слово. Он тогда все поймет. Вы знаете, где зиндан, сестричка?

Гульбадам молчала.

— Что, удивлены? Понимаю. Ладно, коли не знаете, где зиндан, пойдете со мной. Но только, так... не обращая на меня внимания. Когда дойдете до зиндана, сами догадаетесь, что это тюрьма. Договорились?

— Да! — прошептала Гульбадам и направилась к воротам. Абдурахман остановил ее.

— Возьмите... — и протянул сверток с монетами.

— Подойдете и сразу же бросьте Равшану как подаяние. Так много никто не подает. Осторожно сообщите ему, что деньги предназначены тюремному сторожу.

— Хорошо...

Гульбадам казалось, что она грезит. На улице было немногочисленно. Несколько прохожих возвращались из мечети. Немилосердно пекло солнце. Никуда не спрячешься от его лучей. Гульбадам дошла до мечети, взглянула сквозь чачван, чтобы не упустить из виду Абдурахмана. Она уже не чувствовала жары. Скорее, скорее! Только бы не потерять из виду Абдурахмана.

У ворот Арка ей стало страшно. Дрожь пробежала по телу. А вдруг схватят!

Скорее, скорее.

Вон, на противоположной стороне, на холме, показался зиндан. Мрачный, словно в трауре по своим же заключенным.

И снова в страхе сжалось сердце. Как она встретится с Равшаном? Не выдаст ли ее волнение? Только бы удержаться на ногах. Только удержаться!

— Берегись!

Это всего-навсего арба, за ней всадники. Ничего страшного нет.

До зиндана Гульбадам шла за арбой. Абдурахман повернул в торговый ряд.

А ей надо дальше.

Вот и ворота зиндана.

Девушка увидела закованных в цепи заключенных, сидевших у стены. Сегодня пятница. По пятницам им разрешено собирать подаяние. Да, это те горемычные, о которых рассказывал Равшан-ака. Горе согнуло их...

Она вспомнила слова Равшана. Он говорил ей о свободе, о том, что цепей не будет. Он говорил... И он

сейчас здесь! Нужно отыскать... Где же бедный Равшан?

Вот он! Незнакомое, заросшее щетиной лицо. Лоб в морщинах. Гульбадам подошла ближе... Глаза! Его глаза! Они ликуют, безмолвно кричат от радости...

Гульбадам бросила сверток с монетами.

— Благослови вас господь, красавица! — голос дрогнул. Юноша узнал Гульбадам.

Так хочется сказать ему о своей любви, о том, сколько пришлось выстрадать!

Тюремный сторож увидел монеты. Издалека увидел. Такое приношение! Он двинулся к заключенному. И Гульбадам громко произнесла:

— Эти деньги для тюремного сторожа.

Сторож ослабилась, сказал узнику:

— Давай-ка их сюда. Уж не хочешь ли ты, несчастный, присвоить их, мои деньги?

И, нагнувшись, отобрал у Равшана монеты. Оглядев ветхую паранджу, спросил у Гульбадам:

— Кем вы приходите к нему? Мать, что ли? — Не дождав ответа, добавил: — Долго не разговаривать!

Сторож отвернулся, присел на камень и стал рассматривать монеты, каждую в отдельности. Даже прикусил одну. Не фальшивые ли? Нет, все в порядке. Довольный, улыбнулся и спрятал добычу за пазуху.

Гульбадам стояла перед Равшаном. Боялась даже назвать его по имени.

— Как чувствуете себя? — спросила она. Другие слова не приходили в голову.

Равшан не знал, что ответить. Долго смотрел на ее чачван. Молчал и улыбался. Гульбадам тихо добавила:

— Абдурахман-ака передает привет, завтра он уезжает в Самарканд.

О многом говорило это слово — «Самарканд».

— Спасибо, от меня тоже передайте привет.

— Он побывал в нашем кишлаке. Ваш отец и мой — живы. Они тоже передают привет.

— Спасибо за добрые известия. Я очень беспокоился. Как вы сами поживаете?

— За меня не беспокойтесь. Жду свободы, о которой говорили вы. Когда выберетесь отсюда, стану вашим другом, во всех делах помощницей.

— Спасибо. Осталось немного ждать. Улыбнется нам счастье.

— Ну, хватит! Эй, вам говорю!— крикнул сторож. — Гульбадам и Равшан стояли, не в силах двинуться. — Оглохли, что ли?

Нужно расставаться. Равшан повернулся и, тяжело ступая, звякая кандалами, направился к лестнице зиндана. Оглянулся, посмотрел на Гульбадам.

Держался, крепился он. Но сейчас почувствовал ком в горле, ноги стали ватными. Он обернулся еще раз, и тут тюремный сторож ударил его в плечо прикладом. Равшан упал.

Гульбадам стояла на шевелясь....

Зной спадал. Подул прохладный ветерок. Улицы стали многолюдней. Гульбадам приблизилась к Арку. Вновь ее обуял страх. А вдруг схватят!.. Нет, ничего страшного. Стража не обращает на нее внимания. Четыре оборванных мешкаба — водоноса поливают площадь. Девушка подождала, пока у мешкабов в бурдюках не кончилась вода, скользнула мимо страшных ворот.

Едва дошла до мечети, услышала голос глашатая:

— Эй вы, люди города, не оставайтесь в неведении, слушайте. Мы уже уведомили о том, что из гарема великого эмира исчезли четыре невольницы. Получены точные сведения: одна из бежавших, богоотступница Гульбадам, дочь Хадикула, скрывается в Бухаре. Тому, кто знает о месте ее пребывания и не сообщит об этом сегодня же в Арк, отсекут голову. Имущество казненного будет изъято в пользу эмира... Эй вы, люди города, не оставайтесь в неведении.

Гульбадам словно оказалась в большой бурной реке. Течение понесло, закрутило... Оглянулась. Прохожие как ни в чем не бывало спешили по своим делам. Привыкли к подобным сообщениям. К глазам подступили горькие слезы.

— О боже, — прошептала она. — Каким пыткам ты подвергаешь несчастную рабу свою! Разве не хватает тех несчастий, которые уже обрушились на нас?

Слезы катились по щекам... К кому она пойдет? В чьем доме найдет кров и защиту? Эта мысль не давала

покою. Оставаться по-прежнему у Хандан-буви — значит подвергать смертельной опасности и добрую старушку, и Абдурахмана-ака. Нет, нет, нельзя больше жить у них. Только зайти попрощаться...

— Кто там? — спросил знакомый добрый голос Хандан-буви.

Стоило старушке открыть ворота, как Гульбадам бросилась к ней. Расплакалась.

— Возьми себя в руки, моя хорошая! Что с тобой? Скажи же, доченька, — утешала Хандан-буви, но Гульбадам ничего не слышала.

Наконец девушка сбивчиво, торопливо рассказала о случившемся. И снова заплакала.

— Никуда ты не пойдешь, доченька. Будешь жить здесь. Я сама отвечу, если придут люди эмира.

— Нет, я должна уйти. Должна.

— Пусть вернется Абдурахман-ака, доченька. Он скоро придет. Сказал, что сходит в ближайший кишлак.

— Нет, бабушка, пока он вернется, перевероят весь город. А найдут меня, что же будет с вами? Нет, бабушка!

— Куда ты пойдешь, доченька? В кишлак — нельзя. Подумай. Нет у тебя никого.

Гульбадам присела на супу и тотчас почувствовала, что силы оставляют ее...

Вспомнилась одна из невольниц. Она сказала, что будет выдавать себя за нищенку, просить милостыню.

«Вот так и я», — твердо решила Гульбадам.

— Прощайте, бабушка, я пошла. Спасибо вам за все. Если бы я смогла вам служить...

— Деточка моя, куда же ты? Хоть бы подождала Абдурахмана.

— Нет, бабушка. Глашатай требовал сегодня же сообщить...

— Мало ли что брешет глашатай. Доченька, оставайся, родненькая, пойдешь завтра...

Но Гульбадам уже просталась с Хандан-буви, которая широким рукавом вытирала слезы.

...Все дальше и дальше от ворот Арка уходит Гульбадам. Крепостная стена змеей обвивает город. Все дальше... В поле... Здесь легче дышать. Чистый степной воздух напоминает о родном кишлаке, где она родилась

и выросла, напоминает о родных. И хоть на миг позволяет забыть свои тревоги.

Мимо промчался всадник, оставляя за собой клубы пыли. Гульбадам сошла с дороги, споткнулась, упала. Отряхиваясь, вдруг вспомнила о Равшане. Ей стало обидно до слез: как это грубый тюремщик свалил Равшана ударом приклада! «До каких пор нам страдать! Когда же придет свобода?»

Гульбадам шла и шла. Вдали показались сияющие в багровых лучах заката росписи Чор-Бахра.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Равшан поднялся, осмотрелся.

Комнатка была тесной, темной. Но это, конечно, не зиндан. Здесь тепло, уютно.

— Ну вот! — раздался радостный голос Абдурахмана. — Наконец-то встал.

— Где я? — хрипло спросил Равшан.

Очень хотелось пить. Словно угадав его желание, Абдурахман налил в пиалу чаю.

Равшан жадно выпил. Чай уже остыл. Но это был настоящий, крепко заваренный чай.

— Сейчас принесут горячий.

Удивительный человек Абдурахман. Как ему удается даже угадывать желания.

— Горячий лучше! Силы восстанавливает, — продолжал Абдурахман. — А ты нам нужен сильный, бодрый...

Он похлопал по плечу Равшана.

— Находишься ты у друзей. Ни одна эмирская ищейка тебя не найдет. Если сунется, этими руками задушим.

Равшану нравилось слушать Абдурахмана. Какие-то крепкие слова. Уверенно, твердо звучат. С ним легко, с Абдурахманом. У него можно учиться, за ним можно идти в любую схватку с врагом.

Вот и сейчас он разговаривает так, будто ничего не случилось. А ведь вытащили Равшана из тюрьмы. Из этой страшной ямы.

— Как вам удалось? — спросил Равшан. — Я ничего не помню. Шум, драка, удар по голове...

— Это чтобы ты в следующий раз не высовывал голову раньше времени... — серьезно сказал Абдурахман. — Тебе же крикнули, предупредили.

— Ничего не слышал, — сознался Равшан.

— Ну, ладно, хватит об этом. Важно, что ты на свободе. Две эмирских ищейки уже не поднимутся. В остальном все в порядке. И наш уважаемый Зайниддин на свободе... Вот так-то!

В комнатку скользнул мальчишка. Молча поставил чайник и скрылся.

— У нас много друзей, — заговорил Абдурахман. — И с каждым днем становится их больше. Власть эмира висит на волоске. Правда, к волоску, чтобы его оборвать, нужно добраться. А добраться нелегко.

Он налил пиалу горячего чая, протянул ее Равшану.

— Каждый из нас должен отдать все силы. Если понадобится, и жизнь во имя свободы.

— Я давно готов! — Равшан сжал кулаки. — Хочу мстить им за все. За все...

— Мстить? — укоризненно переспросил Абдурахман. — Опять ты о своем. Мсть — плохой советчик в твоем деле.

— В моем? — шепотом переспросил Равшан.

Он почувствовал, что сейчас услышит от Абдурахмана что-то очень важное.

— В твоем, — повторил Абдурахман. — Мы просим тебя выполнить одно задание.

Равшан даже приподнялся, напрягся весь.

— Ты садись, садись... — легко толкнул в плечо Абдурахман. — Пей чай и слушай...

— Слушаю... — тихо произнес Равшан.

— Тебе нужно будет пробраться в Самарканд. Дам тебе адрес. Ты легко найдешь нашего друга Алексея. Помнишь, я о нем рассказывал? Он сейчас красный комиссар, большой человек. Комиссар Красной Армии.

— Я найду его! — пообещал Равшан. Пообещал торпливо, словно боялся, что Абдурахман передумает.

— Я верю, — успокоил Абдурахман и продолжил: — Передашь Алексею нашу бумагу. Очень важную бумагу. Если попадешься в руки ищейкам, уничтожь ее. Не уничтожишь, тогда полетят десятки голов. Ясно?

— Да.

- А на словах расскажешь о Бухаре...
- О чем? — не понял Равшан.
- О Бухаре, о себе, о Гульбадам, об отце, о зиндане.
- Зачем? — удивился Равшан.
- Им надо знать, как мы живем. Большевикам, Красной Армии надо знать. Без их помощи мы ничего не сможем поделывать с властью эмира.

Наступил день, когда Равшан должен был выйти из города. В рваной одежде бедняка, с таким же потрепанным хурджуном ему предстояло пройти по дороге в Каган, а оттуда проехать в Самарканд.

— Железная дорога...— объяснял Абдурахман.— Главное — не испугаться паровоза.— Он был в хорошем настроении. Даже шутил.

Зайниддин вытащил конверт, подержал перед глазами Равшана.

— Знаешь что это такое?

— Объяснил... — просто сказал Абдурахман. — Все знает!

— В ней наша судьба. Судьба народа.

Конверт спрятали в халате, за поблекшей заплатой. Абдурахман ловко ее зашил.

Равшан понимал, как трудно будет пройти по городским переулкам, очутиться за воротами. А там... Кто пристанет к бедному человеку на большой дороге?..

— О Гульбадам не беспокойся. Мы узнали, она в Чор-Бакре, в тихом месте.

— Спасибо вам,— тихо произнес Равшан.— Я пойду. Его не провожали.

Равшан шел по пустынным переулкам Бухары. За глинобитными заборами пряталась от чужих глаз нищая жизнь, прятались беды. Равшан хорошо знал о них по себе. Но знал уже и о силе, которую нужно пробудить, поднять против кровавых законов эмирата.

Бухара... Десятки налогов... На землю, воду, заборы, дома, деревья... Даже на дым, на калитку... Что же творится на этом свете? Когда же сгинет жадный, кровавый эмир?

Из-за полуоткрытой калитки выглянул старик. Равнодушно взглянул на Равшана пустыми, бесцветными глазами.

Если бы он знал, куда и зачем идет Равшан... Он идет в Самарканд, к сильным, честным людям, идет за помощью.

Возможно, скоро даже в таких потухших глазах вспыхнет искра радости...

У ворот хмурый стражник равнодушно посмотрел на Равшана. Бедный хурджун, ветхая одежда не заинтересовали стражника. Но другой, помоложе, кивнул Равшану: ну-ка скинь хурджун.

Этому молодому стражнику или было скучно, или не гнушался он никакой добычей. Рука нырнула в переметную суму, ловко нащупала сухую лепешку, горсть изюма, завернутого в платок, глиняную миску.

Миска появилась на свет божий.

— Купил? — спросил стражник.

— Купил, — ответил Равшан.

— На какие деньги?

— Клевер продал. Сноп.

— Сколько стоит?

— Что? — не понял Равшан.

Он должен выглядеть таким вот непонятливым киш-лачным парнем.

— Клевер!

Равшан знал цену. Но назвал меньше, чем стоил сноп люцерны.

— Дурак!.. — радостно расхохотался стражник. Он даже хлопнул себя по колену. — Ох, дурак!

Хмурый стражник скривил губы. Наверное, попытался улыбнуться.

— И все деньги отдал за чашку? — не учимался молодой.

— Еще добавил.

— Дурак... Дурак... — стонал стражник.

Чашку он аккуратно положил рядом с собой. Больше нечего взять с кишлачного нищего парня.

— Ну, иди! — внезапно оборвав смех, грозно разрешил стражник. — Чего стоишь?

Равшан посмотрел на чашку. Но стражник не заметил этого взгляда.

— Или может ты большевистский шпион? А?

Равшан пожал плечами.

— Иди!

Абдурахман был прав, снаряжая Равшана в дальний путь. Именно он подсунил дешевую вещь, которую должны были отобрать стражники. Так и случилось...

Равшан вылетел за ворота «благородной, святой Бухары» счастливым человеком... До чашки ли тут? Хорошо, что выпустили, хорошо, что цел остался. Могли бы запросто так и избить...

Так, облегченно вздыхая, наверное, вылетает отсюда любой кишлачный житель. Если повезет, то пронесет с собой какую-нибудь купленную на базаре мелочишку или спрятанную за щеку единственную таньгу.

Через час Равшан твердо шагал по дороге. Он знал, что у Кагана, железнодорожной станции, теперь редко встретишь эмирских ищеек.

— Там уже другой порядок... — тепло сказал Абдурахман. — И не бойся русских, подходи. Рабочие помогут, подвезут до Самарканда.

«Рабочий», — про себя произнес Равшан. Что еще рассказывал о них Абдурахман?

Лет пятнадцать назад в Кагане на хлопкоочистительном заводе вспыхнула забастовка. Рабочие не хотели мириться с порядками эмирата, с порядками хозяев... «Смелые люди»... — подумал Равшан.

Сейчас он шел к ним. Как его примут?

Рослый узбек в замасленной одежде, старательно вытирая ветошью руки, расспрашивал:

— Что же пешком? Все четырнадцать километров?

Равшан впервые услышал это слово «километры».

— Не знаю... — сказал он.

— Ах, да... — узбек улыбнулся и что-то сказал своим русским друзьям. Те тоже улыбнулись, и в ответ понимающе закивали. — Это наши товарищи... — представил он русских. — Без них нам, брат, туго будет. Задушит эмир.

— Так говорит Абдурахман, — осмелел Равшан.

— Ты знаешь Абдурахмана? — удивился узбек.

— Я от него. Мне нужно в Самарканд. К русским... К товарищу Алексею.

Последние слова Равшан произнес с трудом.

— Вот оно что! Мы поможем тебе добраться до Самарканда. Даже дадим провожатого.

— Спасибо...

— Зови меня Садыком. Давно меня так зовут. Уже тридцать лет.

— Спасибо, Садык-ака.

Садык сочувственно осмотрел Равшана.

— Плохо у вас там, в Бухаре?..

— Очень плохо. Меня Абдурахман спас. Из зиндана...

— Оно и видно. На сегодня хватит. Отдохнешь.

— Нельзя отдыхать! — привстал Равшан.

— Надо, надо. Утром поедешь. А сейчас пошли. Во дворце будешь отдыхать.

Они двинулись к каменному зданию, рядом с которым прохаживался рабочий с винтовкой.

— Этот дворец царь Николай подарил эмиру, — весело рассказывал Садык. — А теперь мы здесь хозяева. Наша рабочая власть. Сейчас найдем тебе комнату и ты отдохнешь.

Не смеется ли Садык?

Нет, не смеется. Рассказывает серьезно, спокойно...

Какая же у них власть. Если в эмирском дворце они отведут комнату для Равшана. И он будет в ней спать...

Равшан молчал, с удивлением осматриваясь.

Взглянув еще раз на рабочего с винтовкой, он невольно подумал: стражник.

А «стражник» улыбнулся и подмигнул:

— Здравствуй, товарищ!

Самарканд залит солнцем. По улицам проходили красноармейцы с винтовками, совсем молодые, такие, как Равшан.

Над зданиями полыхали красные флаги.

Большой, необычный город Самарканд. Равшан впервые увидел женщин с открытыми лицами. Люди пели песни...

И не вели стражники замученных арестантов.

«Это и есть та жизнь, о которой рассказывал Абдурахман...» — невольно подумал Равшан.

Он забыл об усталости. Радостно, взволнованно ду-

мал о странном стуке вагонных колес, о беселых, необычных спутниках — обо всем новом, с чем пришлось столкнуться в последние два дня.

Дом, куда его привели, тоже был похож на дворец. Но здесь у входа стоял уже не рабочий с винтовкой, а вооруженный «кизил аскер», «красный солдат», красноармеец.

Другой мир, другие люди. Кажется, Равшан даже приоткрыл рот от удивления. Не свистят плети, не ползут на коленях рабы. Не слышно слез и причитаний...

— В этом доме,— сказал сопровождавший его узбек,— три года назад была провозглашена Советская власть. Понимаешь, наша власть!

Равшан кивнул: понимаю. Но сам многое не мог себе объяснить. Вот он ночевал в эмирском дворце, построенном бывшим русским царем. Сейчас входит в другой дворец.

— А было здесь воинское собрание... — продолжал сопровождающий.— Собирались, значит, офицеры и генералы... А сейчас мы и наша власть.

У одной комнаты они остановились.

— Здесь товарищ Алексей. Комиссар.

Равшан приготовился увидеть богатыря. А встретил его небольшого роста человек, перепоясанный ремнями. Совершенно седой. А лицо не старое. Очень мало морщин.

— Вы ко мне? — спросил он по-узбекски.

Говорил комиссар неплохо. Только как-то с остановкой. Осторожно, не торопясь.

— К вам. Из Бухары гость. От товарища Абдурахмана.

Сопровождающий подтолкнул Равшана.

— Вот доvez, товарищ комиссар. Мне надо возвращаться. Он все, наверное, и расскажет.

— Как в Кагане? — спросил комиссар.

— Все в порядке. Рабочие готовы выступить в любую минуту.

— Передавайте всем привет, — заключил комиссар.— Простившись с сопровождающим, повернулся к Равшану.— Ну, садись. Сейчас угощу чаем. А ты расскажешь.

— Письмо? — напомнил Равшан.

— Прочтем и письмо...

Кажется, этот человек все делал не торопясь, обдумывая каждое слово, каждое движение.

Такая уверенная обстоятельность свойственна знакомым Равшану работающим дехканам. Они никогда зря не расходуют свои силы и слова.

На другой день комиссар повез Равшана к красноармейцам.

— Все расскажешь по порядку. Как мне... О своем отце расскажешь, о любимой девушке. И не робей... Это такие же простые люди. Они поймут тебя. С ними, наверное, ты и вернешься в Бухару.

Равшан ожидал увидеть пять-десять человек... А их были сотни... Люди стояли на площади и с интересом рассматривали кишлачного парня.

Равшан невольно попятился.

— Что ты? — улыбнулся комиссар. — Они ждут тебя. Разве не видишь... Рассказывай.

— Не могу... — прошептал Равшан.

— Можешь, дорогой. Надо. Они должны знать. Обязательно должны. Им предстоит воевать с эмиром.

Комиссар помог Равшану подняться на деревянный помост. В Бухаре с таких помостов глашатаи читают эмирские указы о новых налогах и казнях.

— Товарищи! — комиссар поднял руку и легкий рокот голосов утих. — Товарищи, к нам из Бухары пришел простой сельский парень. Он еще очень молод. Но все испытал. Его били, у него отняли отца, отняли невесту, отобрали дом... Он бежал из эмирского зиндана. Это страшная яма, куда эксплуататоры загоняют неугодных людей... В чем провинился Равшан? Он хотел спасти невесту из эмирских лап.

Гул возмущения прокатился по рядам красноармейцев.

— Из Бухары к нам идут простые люди. Они рассказывают о тяжелой доле народа, — продолжал комиссар. — Пришел и Равшан. Он хочет остаться с нами, чтобы вернуться с оружием в руках... И освободить Бухару от ненавистой власти эмира.

Красноармейцы зааплодировали. Тогда Равшан осмелел. Он шагнул вперед и крикнул:

— Люди Бухары ждут вашей помощи! Очень ждут...

Вечером комиссар разъяснял Равшану положение в его родной Бухаре.

— Абдурахман и Зайниддин принадлежали к партии младобухарцев, буржуазно-националистической партии.

Равшан не понимал этих слов.

— Ну как тебе сказать. Многие из них утверждают, что стоят за народ. Но не хотят ликвидировать эмират. Пусть, говорят, остается эмир. Но мы ограничим его власть. Меньше налогов будет.

— Эмир — зверь... — твердо сказал Равшан.

— Зверь... — согласился комиссар.

— Его нужно уничтожить.

— Так думаем и мы, большевики. Поэтому в нашу партию и переходят твои друзья Абдурахман и Зайниддин.

— Они и ваши друзья, — добавил Равшан.

— Большие друзья, — кивнул комиссар. — Ну, ты пей чай. И спать. Завтра пойдешь в полк. Будешь учиться стрелять.

— Не учиться, воевать хочу. Вы же сказали.

— Воевать будем... — вздохнул комиссар. — К сожалению, будем. Эмир ведь сам ворота Бухары не открывает? Не откроет. А жаль. Это значит, кто-то погибнет и у ворот Бухары.

— Лучше погибнуть. Но так жить нельзя! — горячо воскликнул Равшан.

— Ты прав, парень. Прав... — задумчиво произнес комиссар. — Не можем мы оставить твой народ. И за его свободу придется платить кровью... Ну, хватит, давай спать. А военному делу учиться надо. Чтобы побеждать.

Комиссар подошел к окну.

— Хорош август у вас. Ночь темная, уже прохладная. А звезды... Звезды какие огромные!

Равшан тоже подошел и взглянул на небо.

Из эмирского зиндана он все пытался взглянуть на небо, но напрасно... Давно Равшан не любовался звездами. Он невольно вспомнил Гульбадам. Как она там? Что делает?

Словно догадываясь о его мыслях, комиссар спросил:

... Значит, невеста в безопасности?

— Да, укрывается среди странников на кладбище Чор-Бакр.

— Хотя бы месяц... — словно про себя сказал комиссар.

— Месяц? — переспросил Равшан. — И мы...

— Все может быть, Равшан, — комиссар положил руку на плечо юноши. — Все может быть. И твое письмо, то, которое ты принес... Мы его тоже отправили в Москву.

— В Москву? — удивился Равшан.

— Много уже таких писем, много, парень. Надо решать с эмиратом... Раз и навсегда.

— Надо!

— Вот мы, большевики, и решаем... А ночь хороша. Вот такое спокойное небо будет и над твоей Бухарой. И станешь ты любоваться красивыми звездами. Весте с Гульбадам.

Равшан смущенно опустил голову.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Уже погасли последние лучи, но здания, накаленные за день, еще горячо дышали, обдавая все вокруг жаром. Казалось, над городом поднимается пар. Люди еле двигаются, вялые, сонные. Во дворике тоже духота...

— Уф-ф, невозможно терпеть... Что за осень выдалась, Зайниддин? — сетовал Абдурахман.

— Если вы не переносите обычной жары, то как же выдержите приближающуюся огненную бурю, мой друг? — улыбнулся Зайниддин.

— Эх, началась бы буря. Ее жар — целебный.

— Теперь, как бы ни бесился эмир, ничто не спасет его. Военные приготовления Алимхана только подливают масла в огонь. Народ негодует. А что делается в наших кишлаках? В Гиждуванском уезде прикончили эмирских амлякдаров вместе с сарбазами. Явились они, как всегда, чтобы обобрать дехкан, и получили по заслугам... А в городе что делается? В кварталах Мирзасачак, Мирдустим, Гавкушан, Газиян ремесленники оказали открытое сопротивление людям эмира! Ну, ка-

кие же самые ретивые сарбазы и их юзбаши — сотники смогут приостановить эту волну?

— Зайниддин! Мы тоже не должны сидеть сложа руки.

— Не имеем права, Абдурахман. За большое дело взялись бухарские коммунисты. Что решил их съезд в Чарджоу? Принято решение о начале вооруженной борьбы, о восстании против эмирата. Мы же обратились к Красной Армии за поддержкой. Обо всем этом узнал руководитель правительства Советов — сам Ленин. Говорят, он уже направил командира Фрунзе в Самарканд.

— Вот это новость! Словно крылья!..

— Готовьте крылья к полету! Вечером и вы отправитесь в Самарканд. Вернетесь уже вместе с красноармейцами.

Абдурахман слушал, не скрывая своей радости.

— Спасибо, Зайниддин, спасибо. Сам, сам приведу красноармейцев.

— Среди них много и наших парней. Как, интересно, там Равшан?

— А что? — Абдурахман, подумав, твердо заключил: — Он может стать хорошим аскером.

— Да, — согласился Зайниддин. — Жизнь подготовила таких парней к борьбе. — Он сжал кулак. — И эти джигиты выйдут победителями.

— Обязательно.

— Как его невеста?

— По-моему, хорошо спрятана. Чор-Бакр, — тихий уголок, — ответил Абдурахман.

— Сейчас тихих уголков нет, — вздохнул Зайниддин. — Бурлит наш край. Проследили бы за Гульбадам. Поручи кому-нибудь...

— Попрошу мать.

Они понимали, как сложно в эти дни, когда решается судьба Бухары, всего народа, сберечь жизнь одного человека. Очень сложно... Неизвестно, за каким углом ждет тебя меткая пуля или сверкающее лезвие ножа.

— И себя береги... — Зайниддин неловко обнял друга. — Береги.

— Доберусь до Кагана... А там...

— Вот именно, до Кагана. Это самая страшная дорога.

Они простились.

Вечером Абдурахман благополучно вышел из Бухары. Скоро стражники закроют ворота. Потом опустится ночь. Еще одна страшная ночь.

Сколько их пережила Бухара! Надо пережить и эту! Обязательно пережить.

Рассвет близится.

Жара. К тому же еще ветер. Он словно просеивает уличную пыль через невидимое решето. Как старается! Город стал сумрачным, хмурым. Непогода рождает среди жителей слухи о грозных временах, о скором светопреставлении.

Но чаще вспыхивают совсем другие разговоры, заставляющие обращать взоры к Кагану.

Никогда слова не были такими сильными, опасными. Они походили на волны, в которых колыхался город. Нет! Это не пустые слова!.. В Кагане новая власть! В Кагане Красная Армия! Эмир уже не в состоянии управлять государством.

Бурлят соседние кишлаки. Нужно вовремя бросить одно слово и вспыхнет восстание.

Что сделал эмир с хозяйствами дехкан!

Дом Равшана заброшен... Полное запустение. Кучки мусора, мелкого хвороста. В комнате, где недавно держали Хадикула, потолочная балка провисла, с крыши сыплется сухая глина. После смерти Хадикула Рахман-тога болел. Совсем опустил руки. Для чего жить? Что впереди? Подобные же муки и смерть? Дом заброшен. Уцелел только айван да комнатка возле него. Рахман-тога лежит, укутавшись в изодранную курпачу. Уже около двух месяцев так лежит...

Собрав несколько таньга, раз в неделю приходит из города Бури-Див. Рахману-тога все хуже и хуже...

Появился Закирбай. В руке плеть, глаза налиты кровью. Наклонился, зло кричит, брызгает слюной:

— Скажешь или нет, где Гульбадам, негодяй?

Рахман-тога не в силах подняться. Едва шевельнулись пересохшие губы.

— Ах вот как! Не желаешь разговаривать! — За-

кирбай сорвал с Рахмана-тога курпачу, стал хлестать плетью.

Даже крикнуть не мог Рахман-тога, только закрыл глаза. Закирбай пнул его носком сапога. И снова стал хлестать, при каждом ударе приговаривая:

— Вот тебе! Вот тебе!

Во дворе слышались шаги. Недовольный аксакал повернулся: кто еще там?

В комнату вошел сарбаз.

— Меня направили к вам почтенный Бузрукходжа. Немедленно езжайте в Чор-Бакр. Девушка находится там.

— Вон оно что! — Закирбай устало опустил руку с плетью. — Хоп, поехали.

Едва бай уехал, появился Бури-Див. Увидев избитого старика, упал на колени. Недвижим Рахман-тога. Побрызгал в лицо водой... Рахман-тога слегка приоткрыл глаза, прошептал:

— Закир... Чор-Бакр...— и снова потерял сознание.

Бури-Див бережно переложил его голову с коленей на курпачу. Укрыл старика и бросился прочь.

Он бежал не разбирая дороги. Только у перекрестка остановился и, увидев пламя, радостно вздохнул:

— Значит, начали молодцы!

...Бури-Див побежал к конюшне Закирбая, вывел оттуда белого коня. Сын аксакала выскочил из дома... Что-то кричит... Плевать! Бури-Див хлестнул коня и помчался по улице.

Соединенная толпа дехкан из кишлаков Имамкази-хан и Халач грозно движется вперед. Во главе Исмабобо, размахивая в воздухе дубинкой. Бури-Див не скрывал радостного чувства. Пламя бушевало... За огненными языками уже не видно дома Сафарбая. Вот она расплата! Крики дехкан, возбужденные, яростные. Вот она буря! Бури Див залюбовался великим зрелищем... Но вспомнил, что надо спешить. И свистнула плеть. Рванулся конь. «Закир... Чор-Бакр...»— эти слова о многом говорят. Надо спешить!

Закирбай примчался в Чор-Бакр. Во дворе, окруженном высокими строениями, отдал приказания сарбазам:

— Я пойду вниз. Осмотрю ханаку. Вы проверьте все. Да только поживее! Ну! Шевелитесь!

— Хорошо, таксыр.

...Сарбазы по винтовой крутой лестнице Чор-Бакра стали один за другим забираться на крышу.

Там стояла Гульбадам. Ветер трепал темно-русые длинные волосы. Она стояла, сжав кулачки. В эту минуту она не была похожа на ту девушку, которую увели сарбазы, вырвав из отцовских рук, на ту, которая падала со слезами в ноги мучителям. Сейчас она была готова на все... Все, что в ее силах...

Гульбадам подняла большой камень...

Первый сарбаз только успел ступить на крышу, как девушка с силой ударила его по голове. Схватила новый камень, бросила во второго сарбаза, который уже поднялся на последнюю ступеньку лестницы. Третий сарбаз, увидев, как покатилося по ступенькам окровавленное тело, повернул назад. Закирбай не успел разобраться в чем дело и упорно взбирался вверх. Вот она — Гульбадам! Он бросился к ней.

Девушка стояла не шевелясь. Закирбай приближался, обнажив клинок.

Руки его заметно дрожали. Глаза бегали по фигуре девушки.

— Ну... Ну... Наконец-то попалась... Не успокоюсь, пока не поцелую тебя... Ты должна заплатить за то золото, которым я осыпал твою дорогу. Ну... Ну... Иди сюда...

— Не смей подходить, негодяй! Пусть отсохнет твоя рука, поднявшая меч. Пусть твое уродливое тело сгниет в могиле, убийца!

— Что? Что? Замолчи, пока сабля не упала на твою шею... Не губи свою молодую жизнь! Ну, спускайся вниз, безродная, рожденная от рабыни!

Закирбай сделал еще два шага вперед. Гульбадам попятилась. Ее глаза искали камень, но, кроме выгоревших, иссохших от зноя трав, вокруг ничего не было. Гульбадам отступала... И вдруг край ветхой крыши обвалился — девушка вскрикнула и рухнула вниз.

Закирбай, невольно подавшись вперед, глянул туда... Все!..

Торопливо, не в силах сдержать дрожь в коленях, стал спускаться.

На распростертое тело девушки даже не взглянул. Побоялся! Бросился к коню, вдел ногу в стремя. Но железные руки свалили его, обхватив за короткую шею. Это была хватка Бури-Дива.

— Подлец! Убийца! Хватит ли твоей крови, чтобы расплатиться за все твои злодеяния, кровавый шакал. Ну, говори! И это дитя ты тоже убил?!

Бури-Див сдавил ему горло. Глаза Закирбая налились кровью, он беспомощно взмахивал руками, прося пощады. Бури-Див чуть ослабил хватку и бай упал ему в ноги.

— Буриджан, не погуби меня! До самой смерти буду содержать тебя, поженою тебя, Буриджан! Умоляю, целую твои ноги, Буриджан!

— Мои ноги не для того, чтобы их лизали шакалы... Видишь вот этот нож? А, узнаешь?

— Эй-эй-эй! Оставь это, Буриджан. Ой, ой, не надо!

— Раз ты, увидев нож, теряешь дар речи, зачем же ты другим вручал его, трус? Помнишь, в ту страшную ночь ты заставил меня накуриться анаши... Вот тот самый нож! «Унеси из дома Гульбадам, а кто встретится, режь!» — сказал ты тогда. Я эту девушку сделал сиротой... Я был слеп. Ты и подобные тебе превратили меня в зверя... Теперь я буду мстить за каждую каплю этой крови. Я дал обет уничтожать таких, как ты. Я прикончу тебя, подлый трус, там, где ты пролил кровь этой безвинной девушки!

Бай охнул и, схватившись обеими руками за живот, как куль, повалился на землю. А Бури-Див, отбросив нож далеко в сторону, осмотрелся. Подошел к ветхому старинному надгробию, приподняв несколько кирпичей, отложил их в сторону.

Могила для Гульбадам вскоре была готова. Великан перенес легонькое тело и стал закладывать кирпичами. Затем, набрав возле арыка глины, замазал щели. Прочитал молитву...

Наступил вечер. Тихий, безмятежный вечер. Кладбище погружалось в темноту.

Бури-Див встал с колен. Он шел, ведя коня на поводу, и размышлял об искалеченной своей жизни. Разве отомстишь за все горе, за кровь сполна? Хватит ли на это сил?

Он повернулся, взглянув на минарет, величаво вышавшийся над мазаром.

Бури-Див Вскочил на коня...

А через два дня, в самом конце августа, произошли незабываемые события в истории древней Бухары.

Не успели разлиться солнечные лучи над городом, не успела вспыхнуть голубизна нового утра, как Бухара поднялась на ноги от грохота пушек. Раскаты гулко доносились со стороны Кагана.

На «священную войну», к которой так долго готовился эмир, вышла кучка мулл и ученики медресе, толпы фанатиков, сарбазы...

Но это уже была агония. Эмират корчился в предсмертных судорогах.

И вдруг ошеломляющая весть:

— Эмир-то сбежал!

Красноармейцы, интернациональные полки, созданные из туркестанской бедноты, восставшее население эмирата пробивались к городу.

— Эмир-то наш сбежал! Для чего ж нам стараться! Пора уносить ноги! — кричали сарбазы и сами мчались в сторону Самаркандских ворот.

Но на улицы, в тесные переулки Бухары уже врывались красноармейцы. Скакали кавалеристы, бежали бойцы с винтовками наперевес.

Рядом с одним из командиров бежал Равшан.

— Сюда! Сюда! Здесь ближе... — указывал он дорогу. — Сразу к Арку, к дворцу.

Равшан был в красноармейской форме. Гимнастерка еще топорщилась на нем. Некоторые бойцы с сомнением поглядывали на хрупкого горячего парня. По неопытности, да еще в горячке, нарвется на первую пулю.

Но Равшан держался уверенно. Он успел уложить двух здоровенных сарбазов.

— Стой! — раздался голос командира. — Видишь, Равшан?..

Отборные сарбазы эмира укрепились здесь. Их было много. За рядами солдат хмуро высились серые стены Арка.

Равшан огляделся. Сколько он в последнее время бродил по этим переулкам...

— Товарищ командир! — воскликнул Равшан. — Можно обойти. Выйдем к зиндану, к тюрьме... Выручим людей. Оттуда к Арку!

— Молодец, Равшан! За мной, товарищи! — крикнул командир.

Из соседней калитки выбежал старый, но еще крепкий мужчина.

Он держал в руках узловатую палку.

— Эй! Джигиты!

Взглянув на Равшана, старик на бегу спросил:

— Узбек?

— Да, отец.

— Постой... постой... — старик на миг приостановился. — Где-то я тебя видел...

— Может, у стены дворца, — засмеялся Равшан. — Там я просил подавание. Вместе с другими арестантами.

Старик удивленно посмотрел на Равшана и хрипло сказал:

— Там, в зиндане, мой сын...

— Мы его освободим!

Они бежали вдоль рыхлых глинобитных стен. Открывались калитки, ворота... К красноармейцам присоединялись стар и млад. С палками, кетменями, ножами они тоже устремились вперед, чтобы навсегда покончить с ненавистными кровопийцами.

Утихала стрельба... Выводили пленных. Сановники, стражники, сарбазы теперь уже не выглядели грозными. Куда и девалась спесь!

Бурлила Бухара... Толпы людей вылились на площади и улицы.

— Равшан!

Да это же Бури-Див кричит. Равшан узнал великана и радостно бросился к нему.

— Бури! Милый Бури!

— Подожди! Подожди! — замахал руками богатырь. Что с ним стало! Как жалко он выглядит. — Слушай меня, Равшанджан, слушай. Делай что хочешь со мной...

— Бури! — предчувствуя недоброе, вскричал юноша.

— Равшанджан! — Бури-Див говорил торопливо, словно боялся, что его перебьют и он не успеет все вы-

сказать... Неожиданно подавленным голосом заключил: — Я... я убил мать Гульбадам, Равшанджан!.. Закир заставил меня накуриться анаши... Дал мне нож... Этим ножом я только что прикончил его самого... И еще... Гульбадам в Чор-Бакре. Убил ее Закирбай. Я похоронил...

Бури-Див рванул лоскут полы яхтака и протянул Равшану. Толпа подхватила Бури-Дива, увлекла с собой. Он успел крикнуть:

— На нем капля крови Гульбадам! Отомсти за отца, за мать, за Хадидула-ака! Отомсти!..

Его голос удалялся.

— Бури! Бури-и-и!..

Толпа хлынула новой волной.

— Бури-ака!!!

Сотни людей... Нет, наверное, тысячи.

Людское море клоочет, бушует.

Удивительно, как в этой суматохе Абдурахман отыскал Равшана.

Красноармейская форма на нем сидела ладно, не то что на Равшане. Словно специально подыскали.

Абдурахман расправил складки гимнастерки, откашлялся. Не умел он начинать такой разговор, не умел успокаивать.

— Слышал! Знаю! — глухо сказал Абдурахман. — Ну, что поделаешь...

Равшан не отвечал.

— Не успели мы... — продолжал Абдурахман. — Что поделаешь... Не сразу эта сволочь успокоится. Будут цепляться за власть. Нам еще придется...

Он заговорил горячо, юноша отвлекся от своих грустных мыслей, удивленно глядел на Абдурахмана. А тот объяснял:

— Надо гнать их. Всех до одного с нашей земли. Я решил остаться в Красной Армии.

Они сидели в тени, на камне. Сидели, не выпуская из рук винтовок. Словно бой еще не окончен. Просто стих на минуту. И, как все вокруг, любовались красным флагом.

Он трепетал высоко над Регистаном, над всей Бухарой.

Люди смотрели на флаг, радовались обнимали друг друга, не скрывали слез радости. Но многие тоже сжимали оружие, кто винтовки, а кто просто палки.

— Товарищи! — раздался сильный, уверенный голос. — Товарищи! Прошу внимания.

Кто-то встал на повозку и поднял руку.

— Наш Алексей! — подтолкнул Абдурахман юношу. — Узнаешь?

— Узнаю, — кивнул Равшан.

— Подойдем поближе...

— Товарищи! — продолжал комиссар. — Вчера командующий Фрунзе послал в Москву телеграмму Владимиру Ильичу Ленину. Слушайте! — В руках у комиссара трепетал листок. Медленно, подчеркивая каждое слово, комиссар читал:

— «Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями Красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победоносно развевается Красное знамя мировой революции»...

— Слышишь? — подталкивал Абдурахман. — Понимаешь?

Равшан все слышал и все понимал...

После короткого митинга Абдурахман неожиданно предложил:

— Хочешь я поговорю с Алексеем, чтобы тебя отпустили дня на два?

— Куда? — хмуро спросил Равшан.

— В кишлак... Ну... — Абдурахман с трудом подыскивал слова. — Ну и... в Чор-Бакр.

— Рано! — твердо сказал Равшан. — Еще рано. Очистим нашу землю от врагов... Потом.

Абдурахман внимательно посмотрел на Равшана. Перед ним стоял воин. Не было прежнего мальчишеского лица. Глубокие складки легли на лбу...

— Ты прав, Равшан. Много еще у нас дел. Не окончился бой.

Где-то послышалась музыка. Песня... Песня в Бухаре!

Абдурахман и Равшан невольно прислушались...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Равшан-бобо долго смотрел на куст ярких роз.

Наконец перевел взгляд на меня.

— Я больше не встречал Бури-Дива. Остался кусок его яхтака с каплей священной крови моей любимой. Трудно было перенести все это. После армии уехал в Уратепа. Около двадцати лет прожил там. Много работал. Участвовал в создании колхозов. Состарился и вернулся в Бухару. Любовь к Гульбадам оставила глубокую рану. День и ночь думаю о ней.

Равшан-бобо вздохнул. Он поднялся, срезал розу с пышного куста и подал мне.

— Возьмите, сынок. Цветок я привил, как меня научила Гульбадам. Память о ней.

Я бережно взял розу.

— С тех пор я здесь,— продолжал старик.— Не знаю, в какой могиле лежит Гульбадам. Только знаю, что она здесь. Пусть душа ее будет довольна — я живу в Чор-Бакре. Останусь до конца моих дней. Весной и осенью помогаю ухаживать за колхозным садом. Делаю прививки роз, сажаю новые деревья, ухаживаю за ними. Остальное время провожу здесь.

Я посмотрел на Равшана-бобо. Ему за семьдесят... Большие страдания, большое горе перенес человек... Но он еще бодр.

— Ну, надо прилечь, сынок. Надо вздремнуть хоть немного,— сказал Равшан-бобо и стал стелить на супе постель.

Уже рассветало. Медленно разгоралась золотистая полоска рассвета.